

ГРОБНИЦА,

сочиненіе

Гжи. РАДКЛИФЪ,

изданное послѣ ея смерти.

Переводъ съ Французскаго

А. С.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА,
Въ Типографіи Селивановскаго,
1802.

С ъ д о з в о л е н і я
Московскаго Гражданскаго
Губернатора.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Исторія Жамесъ Кистона.

Кто бы ты ни былъ, естли пороки или злодѣянiя не ожесточили души твоей; естли нещасiе имѣеиъ право на твое сердце: то читай описанiе моихъ бѣдствiй, и пролей слезу въ память мою, узнавъ приключенiя, которыя ввергнули меня въ эту ужасную темницу, 19 Ноября, 1521 года, когда мнѣ было двадцать одинъ годъ отъ роду.

Вилліамъ Кистонъ, отецъ мой, происходившій отъ знашной фамили, копорая доведена была до бѣдности разными нещасiями, былъ управителемъ у Лорда Чашама. Доброй мой ро-

дипель ничего не щадилъ для моего воспитанія. Небольшой свой доходъ платилъ онъ за меня въ лучшія училища. Какъ прилѣжаніе мое отвѣчало его попеченіямъ, то на осьмнадцатомъ году кончилъ я свои науки. Думая, что я могу пособляить ему въ дѣлахъ, оставилъ онъ меня при себѣ. Ахъ! онъ не предвидѣлъ, что сдѣлаеть меня несчастливымъ и приведеть ко гробу.

Лордъ Чапамъ былъ вдовецъ и имѣлъ единственную дочь, которую звали Шарлошой. Ей было около двадцати лѣтъ, когда я возвратился въ замокъ, въ которомъ не былъ восемь лѣтъ.

Опецъ мой представилъ меня немедленно Лорду. Холодной его видъ и непріятный го-

лось мнѣ очень не полюбились; онѣ говорилъ мнѣ, чѣмъ я старался подражать въ дѣятельности и усердіи своему отцу, дабы я могъ со временемъ занять его мѣсто. Онѣ дѣлалъ мнѣ припомъ самыя благоразумныя наставленія, но такимъ надменнымъ и сухимъ тономъ, чѣмъ онѣ совсѣмъ не доходили до моего сердца.

Отъ Лорда Чапама пошли мы къ миссъ Шарлотѣ. Ахъ! какая разница между отцемъ и дочерью! Пріятность и кротость изображались на лицѣ Шарлоты; ея привѣтствія и вѣжливость плѣняли сердце; милая улыбка умножала красоту ея. Столько прелестей (думалъ я) не могутъ бытъ соединены съ дурною душою; въ самомъ дѣ-

лѣ это была сама добродѣтель
въ видѣ Богини красоты.

Восхищенный Шарлопой, я
чувствовалъ, что мрачное об-
лако помрачило глаза мои: лю-
бовь одѣла ихъ своимъ покро-
вомъ; сердце мое спѣснилось,
ноги подломились, и я упалъ
въ объятія своего отца. При-
шедъ въ себя, увидѣлъ я, что
Шарлопа терла мнѣ виски; грудь
ея поднималась, и живая кра-
ска покрывала лице ея; на гла-
захъ у нее навернулись слезы;
дрожащею рукою подавала она
мнѣ спиртъ, копорой по неволь-
ному движенію поднесъ я къ
губамъ. Шарлопа, думая, что
я хочу выпить, удержала ме-
ня, и я осмѣлился поцѣловать
ея руку. Она содрогнулась; од-
нако нѣжнымъ взоромъ своимъ,
казалось, простила мою дер-

зоспѣ. Ахъ! мы были поражены однимъ ударомъ: любовь воспламенила наши сердца, и взоры наши по подтврждали. Опецѣ мой не подозрѣвалъ причины моего обморока. О, естли бы сердце его не охладѣло отъ старости, онѣ бы вѣрно ее понималъ; но что я говорю? онѣ раздѣлялъ бы мое замѣшательство; онѣ не могъ бы видѣшь равнодушно Шарлоты — конечно, когдабы онѣ не былъ мнѣ опцемъ, но былъ бы моимъ соперникомъ. Думая, что смяпеніе миссѣ Шарлоты происходило отъ участія, которое она во мнѣ принимала, благодарилъ онѣ ее; я проболталъ также нѣсколько словъ, отдавая ей скляночку. Оснавьше ее у себя, говорила она: можетъ быть она вамъ еще понадобится.

Конечно, Жамесъ, сказалъ отецъ мой, когда миссъ позволяетъ это, то оставь у себя скляночку; я принесу ее, какъ скоро. . . Нѣтъ, прервала Шарлопа: пусть она останется на всегда у Жамеса; ибо, можетъ быть, онъ подверженъ такимъ обморокамъ. Это случилось еще въ первый разъ, сказалъ я; но онъ такъ сильно на меня подѣйствовалъ, что я боюсь слѣдствій его въ продолженіе моей жизни. Послѣ сихъ словъ мы расстались. Я взглянулъ на Шарлоту, и увидѣлъ, что любовь блистала въ глазахъ ея.

Очаровательной этою взглядъ привелъ меня въ восхищеніе; но когда я расстался съ Шарлопою, то не смѣлъ вѣршии своему щастію. Мрачное опчаяніе мною овладѣло и силы мои ме-

ня оставили; я съ прудомъ могъ опойши отъ ея комнаты. Не видя ее, я, такъ сказать, переспалъ уже жить; я посвятилъ ей свое сердце вмѣстѣ съ жизнію.

Съ прудомъ могъ я дойти до комнаты отца своего, которой меня поддерживалъ, и какъ скоро вошелъ въ нее, то легъ въ постель. Съ какимъ живымъ чувствомъ прижималъ я къ своему сердцу Шарлотину скляночку; ослѣпленный любовью, я мечталъ, что это была она сама: я говорилъ съ нею, покрывалъ ее пламенными поцѣлуями; кровь моя была въ волненіи и я наслаждался блаженствомъ. Но сладостное это упоеніе было вскорѣ оправлено самыми мрачными мыслями.

Величайшая разность, копо-

рую судьба поставила между мною и Шарлопою, жестоко меня оскорбляла. Я представлялъ себѣ честолюбивые виды надменнаго отца въ разсужденіи замужства единственнаго дочери, наследницы великаго имѣнія; обратилъ глаза на свое состояніе, на состояніе моего отца, и видѣлъ, что благополучіе Шарлопы будетъ пожертвовано суешной гордости.

Бросивъ съ ужасомъ взоръ на бездну, въ которую влекла меня любовь; я видѣлъ, что вокругъ нее росли цвѣты; но что несчастіе ожидало меня на днѣ пропасти, и въ будущемъ мнѣ не представлялось ничего, кромѣ опчаченія и смерти. Приведенный въ претепль сею картиною, я принялъ намѣреніе оставити навсегда опасное это

жилице. Но бѣжать Шарлоты! . . . Ахъ! легче было разспаться съ жизнію; я чувствовалъ, что не могу уже безъ нее жить; я хотѣлъ ее видѣть, открытъ ей свою любовь и умереть у ногъ ея: другимъ щастіемъ я не ласкался. . . Если бы когда нибудь любилъ; если бы ты не осквернилъ имя любви, принимая заблужденіе чувствъ твоихъ за сей священной пламень: то скорби о мученіяхъ, которыя претерпѣлъ я въ эту ужасную ночь. Тотъ, кто знаетъ любовь, можетъ себѣ это представить; но описать этого невозможно. Упоная въ слезахъ въ продолженіе сей бѣдственной ночи, я безпрестанно представлялъ себѣ прелести Шарлоты, упоевался любовію и чувствовалъ смертельную

ное страданіе. Какъ скоро я вспоминалъ, что долженъ оставить эту божественную дѣвицу, то приходилъ въ изступленіе — казалось, что сердце мое вылетало и спремилось къ воспламенившему его предмету. Безпрерывные вздохи тѣснили грудь мою, и приходя въ себя, я живѣе чувствовалъ горестное свое положеніе.

Старая пожирающимъ меня пламенемъ, я одѣлся на разсвѣтъ, и влекомый горестію пошелъ въ садъ, надѣясь, что тихое утро меня нѣсколько успокоитъ. Погруженной въ самыя мрачныя мысли, я сѣлъ подъ кипарисомъ, копорой освѣнялъ меня меланхолическими своими вѣтвями. Тамъ забылъ я на время горестъ свою въ обр-

ятіяхъ сна, кошорой убѣгалъ меня ночью.

Прелестная мечта представ- ляла мнѣ Шарлоту, какъ вдругъ пробудясь услышалъ я тяже- лой вздохъ. Сначала я думалъ, что это мнѣ послышалось и происходило единственно отъ волненія моихъ чувствъ; но вскорѣ попомъ услышалъ ры- данія въ ближней бесѣдкѣ. Же- лая узнать, кто былъ неща- сный, угнетаемый рокомъ, я пошелъ тихонько къ бесѣдкѣ — Боже мой, что я увидѣлъ? . . Миссѣ Шарлота сидѣла на дер- новой скамьѣ и одною рукою закрывала глаза свои, изъ ко- торыхъ капидись слезы на грудь ея. Ахъ! драгоцѣнныя эшѣ слезы терзали мое сердце. Шарлота чувствуетъ горестъ (думалъ я); и такъ буду спа-

рапья ея утѣшитъ, и если ли не могу облегчить скорби ея, то по крайнѣй мѣрѣ буду имѣть щастіе вмѣстѣ съ нею плакать.

Я хотѣлъ подойти къ миссѣ Шарлотѣ, какъ вдругъ услышалъ слѣдующія слова, прерываемыя рыданіемъ: „проси мнѣ, отецъ мой! . . я чувствую, что рокъ судилъ мнѣ его любить. . . за чѣмъ я его увидѣла! . . Ахъ, Жамесъ, Жамесъ! . . сердце мое принадлежитъ шебѣ на вѣки! . . “

Упоенный любовію и восхищеніемъ, я бѣгу и бросаюсь къ ногамъ Шарлоты; она выходя изъ своего забвенія, видитъ меня на колѣняхъ, вскрикиваетъ отъ удивленія и упадаетъ въ обморокъ въ мои объятія. Успрашенный смертною блѣдностію,

которая заступила живой цвѣтъ лица ея, я старался привести ее въ чувство; наконецъ она опомнилась. . .

Въ этомъ мѣстѣ рукописи, которую сирѣ Карлъ читалъ, слова стерлись; онъ могъ только разобрать слѣдующее:

Я чувствовалъ. . . душевной
воспо. . . ея голосъ. . . сердце
мое. . . клятва. . . одна
смерть. . . во вѣки. . . клянусь
всѣмъ. . . но Жамесъ. . . въ ка-
кую пропасть. . . естли. . .
постоянство. . . другъ другу. . .
Сирѣ Карлъ принужденъ былъ
пропустить это мѣсто и на-
чать читать тамъ, гдѣ слова
были виднѣе.

Шесть мѣсяцевъ наслажда-
лись мы чистѣйшею любовью,
говорили объ ней ежедневно, и
это соспавляло для насъ верь-

ховное блаженство. Я чувствовалъ, что оно не можетъ быть продолжительно, и, не взирая на свое благополучіе, былъ терзаемъ какимъ-то печальнымъ предчувствіемъ, которое сдѣлало меня меланхоликомъ. Почтенной родитель мой примѣшилъ это и старался нѣсколько разъ узнать причину моей горести. Не имѣвъ однако успѣха, онъ безпрестанно старался доставить мнѣ развлеченіе.

Дѣла Милорда Чапама требовали, чтобъ человекъ, сподрующій его довѣренности, поѣхалъ во Францію; отецъ мой надѣясь разсѣять печаль мою эшимъ путешествіемъ, предложилъ Милорду послать меня; на что пошъ охотно согласился. И такъ не сказавъ мнѣ ни

слова, приготоовилъ онъ все къ моему отбѣзду.

Я узналъ объ этомъ наканунѣ того дня, въ которой долженъ былъ расстаться съ Шарлоттой. Громовой ударъ, упавшій у ногъ моихъ, не такъ бы успрашилъ меня, какъ это ужасное извѣстiе: услышавъ его, я окаменѣлъ. Что это значилъ; (сказалъ мнѣ отецъ мой, увидѣвъ мое смятенiе) мнѣ кажется, что и путешествiе это тебѣ не прiятно? — Признаюсь вамъ, бапюшка, что оно меня удивляетъ. — Я думаю, что оно тебѣ огорчаетъ. — Бапюшка! . . Конечно, глубокая горестъ видна на лицѣ твоёмъ — Я не воленъ въ первомъ движенiи. — Но что же значилъ это смущенiе? — Сожалѣнiе васъ оставилъ. — Меня оставилъ? —

Такъ, бабюшка.—Жамесъ' ты
 имѣешь душевныя скорби и
 скрываешь ихъ отъ отца сво-
 его. . . — Вы можете ду-
 мать. . . — Я въ томъ увѣ-
 ренъ, и это мнѣ очень непри-
 ятно. Какъ, сынъ мой, ты не
 хочешь ввѣрить горести своей
 старому своему другу? Ахъ! я
 думалъ, что болѣе заслужилъ
 твоей довѣренности, и. . . По-
 спойте, бабюшка! это тѣ же-
 сткой упрекъ раздираетъ мое
 сердце, но ради Бога, не спра-
 шивайте меня! — Не уже ли ты
 можешь краснѣть, открывая
 мнѣ свою тайну? — Никогда;
 напрошивъ я горжусь тѣмъ,
 что скрываю ее въ моемъ серд-
 цѣ. . . Боже! какое признаніе
 вырвалось было изъ устъ мо-
 ихъ! — Ты меня не любишь, сынъ
 мой! — Ахъ! я васъ люблю,

такъ какъ. . . и почитаю.—И такъ будь доврчивѣе; не уже ли ты будешь такъ жестокъ, что допустишь незнакомому человеку опереть твои слезы! Излей горестъ свою въ сердце лучшаго твоего друга. Да и кто скорѣе облегчишь скорбь молодого человека; кто удобнѣе научишь его исправить просяупки свои, какъ не ты, кто произвелъ его на свѣтъ и образовалъ его сердце? Говори, Жамесъ, другъ мой, сынъ мой! еспьли ты виновенъ, то не опасайся мнѣ признахся: подумай, что въ душѣ того, кто любитъ нѣжно своего сына, прощентъ всегда предшесствуетъ просяупку. Ты вздыхаешь, ты пронунъ. . . Ахъ, Жамесъ, Жамесъ! открой мнѣ сердце свое!—И такъ, бапюшка, знай.

пе. . . — Говори, любезной другъ мой! Сердце мое пламенѣетъ сильнѣйшею любовію. . . образъ Шарлоты. . . — Несчастный! что ты сказалъ. . . — При сихъ словахъ почтенной старикъ закрылъ руками лице свое. „Ахъ, Жамесъ! вскричалъ онъ, сколько бѣдствій готовишь ты намъ обѣимъ!“ — Не обвиняйте меня, батюшка, но жалѣйте обо мнѣ; жестокая эпа спроситъ овладѣла мною совершенно: ахъ! сколько мученій претерпѣлъ я съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ. . . — Другъ мой! разлука есть единственныи способъ къ излѣченію. Спѣши уѣхать; еслили разумокъ имѣетъ еще надъ тобою нѣкоторую власть, то побѣждай нынѣшній же вечеръ. — Я немедленно буду повиноваться вашему приказанію.

Угчененою горестію, я спѣшилъ сдѣлать нужныя приуготовленія къ путешествію и рѣшился уѣхать, не просясь съ Шарлотою. Но любовь смѣялась надъ моимъ предпріятіемъ, и послѣ обѣда она привела меня въ бесѣдку, гдѣ я повторялъ ежедневно Шарлотѣ клятву обождать ее до гроба. Сія нѣжная любовница ожидала уже меня съ непрерывніемъ.

Она не знала еще ничего объ моемъ отпѣздѣ. Извѣстіе это раздирало ея сердце; я хотѣлъ проститься съ нею навсегда, но не могъ пропустить ея слезамъ: и вмѣсто того, чѣмъ отказать другъ отъ друга, мы искали средства завести переписку: любовь внушила намъ его. Не хотѣвъ никому вѣришь нашу тайну,

мы условились, что во время пребыванія моего во Франціи, куда я ѣхалъ по дѣламъ Милорда Чашама, я буду адресовать свои письма къ нему прямо, и что внутри конверта буду писать лимоннымъ сокомъ къ Шарлотѣ. Въ почтовый день она должна находиться у него въ кабинетѣ, и въ то время, какъ онъ будетъ распечатывать письма, стараться взять скорѣе пакетъ, сжечь его осторожно, и на згорѣлой бумагѣ читать выраженія моей любви и вернутьши.

Я не смѣлъ просить Шарлоту, чтобъ она также ко мнѣ писала; но упоенной радостною мыслию, что во время моего отсутствія буду сообщать ей свои чувства, я забылъ, что долженъ съ нею разсказать,

какъ вдругъ услышалъ , что кто поидеть. Я успѣлъ только прижать Шарлоту къ своему сердцу, какъ увидѣлъ моего опца. Я бы не такъ много смѣшался, когда бы вошелъ Милордъ Чашамъ ; я представлялъ себѣ упреки, копорые онъ имѣлъ право мнѣ сдѣлать за неуваженіе благоразумныхъ его совѣтовъ. Все гопово (сказалъ онъ мнѣ спрогимъ гелосомъ) и тебѣ бы должно уже уѣхать! — Терзаемый разными чувствами , я не смѣлъ отвѣчать ему ни слова, ни даже глядѣть на него. Пойдемъ (говорилъ онъ , пощивъ меня за руку) и я прешталъ отъ страха быть съ нимъ одинъ: однако казалось , что Шарлотта угадала причину моего смущенія, и пошла за нами тихими шагами. Я видѣлъ въ

глазахъ моего эпча неудовольствие, производимое присутствіемъ Шарлоты; онъ старался нѣсколько разъ принудить ее оставить насъ; но никакъ не могъ въ томъ успѣть. Она слѣдовала за нами до пагубной кареты, видѣла, какъ я прощался съ своимъ опцемъ, и между тѣмъ какъ я обнималъ сего почтеннаго старика, взоры мои извѣсняли ей мою скорбь и сожалѣніе. Въ глазахъ ея написано было то же.

Должно испытать любовь, чтобъ судить о горести, которую я чувствовалъ, расставшись съ Шарлотою; только черезъ нѣсколько часовъ облегчилъ я сердце свое слезами и ласкалъ себя надеждою скоро кончить дѣла Милорда и увидѣть опять безцѣнную дочь его. Ду-

шевное спраданіе мое умножилось , когда я сѣлъ на пакетъ-бѣтъ; пока я былъ еще въ Англіи, то упѣшался тѣмъ, что дышу однимъ воздухомъ съ Шарлопою ; но мнѣ казалось, что небольшой переходъ черезъ каналъ былъ безмѣрнымъ разстояніемъ. Франція была для меня новымъ свѣтомъ, или пустынею , гдѣ напрасно искалъ я предмета, копорой привязывалъ меня къ жизни.

Прекрасныя мѣстоположенія Франціи , пріятность ея климата, любезность жителей, ничто не могло меня развлечь ; предавшись чувству , которое мною овладѣло, я смотрѣлъ на все равнодушно. Занимаясь всегда Шарлопою, я безпрестанно видѣлъ ея образъ, наслаждался только тогда , когда объ ней

думалъ , и моя опрада состояла только въ томъ , чшобъ писать къ ней , какъ мы условились . Я каждой почтовой день увѣдомлялъ Милорда объ успѣхахъ его дѣлъ , описывалъ все подробно , и каждой разъ получалъ отъ него благодарность за мою рачительность . Ахъ ! какъ былъ я однажды обрадованъ , когда въ концѣ Милордова письма увидѣлъ слѣдующія слова , написанныя другою рукою : — „ бабюшка поручилъ мнѣ запечатать письмо , и я могу сказать тебѣ , что Шарлопа . . . „ видно она не успѣла написать болѣе ; но сердце мое угадало остальное , и восхищеніе его равнялось съ любовію , кою оно пылало .

Наконецъ я кончилъ дѣла Милорда Чашама и послѣ трехъ

мѣсячнаго отсутствія возвратился въ свое опечесиво, взялъ карету, которую оставилъ я въ одномъ трактирѣ, и ни мало не мѣшкая, отправился въ замокъ. Чѣмъ ближе я подвѣзжалъ, тѣмъ болѣе неперпѣнїе мое умножалось; дорога казалась мнѣ чрезвычайно долгою. Однако вскорѣ я прибылъ въ замокъ и тотчасъ пошелъ къ Милорду отдавъ ему отчетъ въ порученномъ мнѣ дѣлѣ. Миссъ Шарлоша была у него въ комнатѣ; блѣдность и изнеможеніе были написаны на лицѣ ея. При неожиданномъ моемъ входѣ она оживилась; радость блеснула въ глазахъ ея; она старалась скрыть ее отъ своего отца; но сердце мое раздѣляло ея чувства.

Мнѣ не возможно было къ ней подойти въ присутствіи

Милорда; и какъ наспутила уже ночь, по я не надѣялся видѣшь ее и въ саду. Милордъ, поблагодаривъ меня за поспѣшность, съ копорюю я кончилъ дѣла его, совѣщивалъ мнѣ итти отдохнуть. Завтра разсмотримъ мы дѣла свои, сказалъ онъ мнѣ; прощай до завтраго. Я вышелъ, и взоры миссъ Шарлошы, казалось, говорили мнѣ: „до завтраго.“

Хотя мнѣ было очень прискорбно, что не удалось поговорить съ Шарлошою, однако я утѣшался тѣмъ, что ее видѣлъ, и что она еще меня любишь. Я пошелъ къ своему отцу, которой еще не зналъ о моемъ прїѣздѣ, и удивленіе его равнялось съ удовольствіемъ. Въ продолженіе вечера ласки его изгладили изъ моей

памяти любовныя непріятности. Я ожидалъ, что онъ спанишь говоришь мнѣ о Шарлоттѣ, но ошибся; въ разговорахъ своихъ онъ убѣгалъ всего того, что могло мнѣ о ней напомнить. Не взирая на то, она была безпреспанно въ моемъ воображеніи и мнѣ крайне хотѣлось что нибудь о ней услышанъ; нѣсколько разъ хотѣлъ я объ ней спросить; но слова замирали на устахъ моихъ. Казалось, что отецъ мой не примѣчалъ волненія чувствъ моихъ, хотя и угадывалъ мое желаніе; онъ хотѣлъ погасить любовь мою, но только болѣе раздражалъ ее. Онъ заставилъ меня рассказывать путешествіе мое во Францію, и спрашивалъ всѣ подробности; часто я въ разговорѣ моемъ упоминалъ Милоръ

рда, и гоповъ былъ произнести имя миссѣ Шарлопы; но онъ не допускалъ меня до того. Я всячески старался заговорить объ этомъ миломъ предметѣ; но онъ умѣлъ каждой разѣ мнѣ въ томъ воспрепятствовать; наконецъ я оставилъ его, не исполнивъ своего желанія.

Восхищенный тѣмъ, что возвратился въ мѣста, обитаемыя Шарлопою, и разстроеныя насиліемъ, которое дѣлалъ своимъ чувствомъ, не могъ я заснуть. Кровь моя волновалася; я вздыхалъ и плакалъ. Ахъ! какъ много оскорбляло меня то, что будучи такъ близко подлѣ той, которую обожалъ, не могъ я ей выразить, что сердце мое пылало къ ней любовію болѣе, нежели когда нибудь. Попомъ думалъ я, что завпра

увиджусь съ Шарлопою въ саду; надежда сія меня оживляла; я считалъ часы и минуты, и мнѣ казалось, что они шли слишкомъ медленно.

Однако приближеніе сего щасливаго времени начинало меня успокоивать, какъ вдругъ услышалъ я пронизательной крикъ; я бросился къ окошку и узналъ, что шумъ происходилъ на другой сторонѣ замка. Одѣвшись поспѣшно, я немедленно выбѣжалъ, пробѣжалъ два двора и какое ужасное зрѣлище мнѣ представилось! . . . Огонь пожиралъ флигель замка, въ копоромъ жила Шарлопа; пламень вырывался изъ оконъ ея комнаты. Въ отчаяніи схватилъ я длинную лестницу, приспавилъ ее къ окошку и влезъ въ него тогда, какъ

пополокѣ начиналъ уже валиться. Миссѣ Шарлопа была окружена горящими опломками; она просила моей помощи и просягивала ко мнѣ руки. Слѣдуя своему изступленію, я хотѣлъ погибнуть съ нею, и бросился къ ней въ пламень.

Сирѣ Карлѣ остановился на эпомѣ мѣстѣ; услышавъ шумъ въ коридорѣ, онъ немедленно евернулъ сукно и бросилъ его на верхѣ своей кровати.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Едва успѣлъ Сирѣ Карлѣ спря-
тавъ рукопись Киссона, какъ
служивши замка оиперли дверь
и подали ему завѣракъ. Не взирая на свою предосторожность, онъ опасался, чинобъ они не

увидѣли сукна, или не примѣнили бы какой перемѣны въ каршинѣ, закрывающей потайную дверь. Однако страхъ его исчезъ, когда онъ увидѣлъ, что никто объ этомъ и не думалъ; наконецъ, успокоясь совершенно, онъ просилъ позволенія итти въ садъ, въ чемъ ему не было отказано.

Сиръ Карлъ пошелъ гулять съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ разсмотрѣть со вниманіемъ опверстіе подземелья, черезъ которое онъ влѣзалъ въ колодезь, и точно узнать, можно ли было опшуда выпши. Пошедъ къ нему, онъ съ прискорбіемъ увидѣлъ, что затрудненіе было гораздо болѣе, нежели онъ думалъ; стѣны колодезя были изъ твердой, бѣлой земли, въ кошорую никакъ не лзя было

вопкнуть колевѣ. Видя невозможность уйти черезъ это мѣсто, онѣ рѣшился исполнить предпріятіе, которое имѣлъ наканунѣ, то есть, чтобѣ напасъ на своихъ надзирателей и перелѣзть черезъ сѣтѣну; онѣ пошелъ къ мѣсту, замѣченному имѣ въ прежнюю прогулку. Между тѣмъ вспомнилъ онѣ объ исторіи Киспона, и жалѣлъ, что не дочиталъ ее; но не взирая на любопытство свое, не хотѣлъ онѣ кладывать исполненія своего предпріятія; сверхъ того онѣ рѣшился возвратиться непременно въ замокъ, чтобѣ избавить несчастную, которой вопли такъ сильно его пронули.

Лаская себя надеждою быть скоро на свободѣ, Сирлѣ Карлѣ едва могѣ скрывать свою ра-

доспѣ. Онѣ веселился мыслию, что можетъ быть скоро увидитъ Женни и Капитана; ибо онѣ не подозрѣвалъ уже Гюннера, и хотя не имѣлъ почныхъ доказательствъ, однако былъ увѣренъ, что другъ его не могъ быть его гонителемъ.

Сирѣ Карлѣ шелъ очень тихо, дабы не возбудить подозрѣнія въ своихъ надзирающихъ; онѣ намѣренъ былъ удвоить шаги свои, когда увидитъ лежащее дерево, чтобы имѣть время опломить сукъ, прежде нежели надзиратели могли ему въ томъ воспретяспивовать.

Онѣ проходилъ мимо бесѣдки, сплешенной изъ густыхъ деревьевъ, въ которой ничего не лзя было видѣть, какъ вдругъ услышалъ голосъ, вскричавшій съ нѣжноспію: „Боже мой, это

онъ! — Удивленный Сиръ Карлъ остано­вился, голосъ эношъ ка­зался ему знакомъ. Увѣрять, что онъ выходилъ изъ бесѣдки, онъ бросае­тся въ нее сквозь кусты, ее окружающіе, и дѣлае­тъ себѣ проходъ; но над­зиратели подбѣгающъ и удержи­ваютъ его. Рѣшась воспользо­ваться симъ случаемъ, чтобъ уйти, онъ отпалкиваетъ ихъ и вырывается; но они оная скоро его догоняющъ; иногда поваливъ одного изъ нихъ, онъ былъ готовъ задушить его, какъ другой вынимае­тъ кинжалъ и грозитъ имъ Сиръ Карлу. Несчастной молодой чело­вѣкъ подверженъ неизбежной гибели, еслили будетъ еще обороняться: онъ не спрашива­ется смерти; однако всѣ усилія его тщетны; чело­вѣкъ, комо-

раго онъ повалилъ, воспользо-
вался его нерѣшимостью и не-
медленно вскочивъ, напалъ на
него съ своимъ товарищемъ ;
Сиръ Карлъ былъ принужденъ
уступить силъ. Онъ глядѣлъ
съ прискорбіемъ на бесѣдку ,
жалѣя, что не могъ узнать, чьи
слова пронули такъ сильно его
сердце? Сей таинственной го-
лосъ ввергнулъ его снова въ
неволю; однако онъ утѣшался
тѣмъ, что есть по крайней мѣ-
рѣ человекъ, который беретъ
въ немъ участіе. Ахъ, зачѣмъ
Сиръ Карлъ лишенъ удоволь-
ствія узнать того, кто сожа-
лѣлъ объ его несчастіи ? Но
между тѣмъ его повели въ за-
мокъ и заперли оныя въ его
горницу.

Пошерявъ надежду возвра-
тить свободу, и полагая, что

еслили ему и позволятъ гулять въ саду, то присмотрѣ будетъ уже гораздо снрже, онъ предался гореспному чувспіу; опчаяніе имъ овладѣло; ибо онъ не видѣлъ конца своимъ бѣдспвіямъ: ему оставалась одна надежда уйти въ отверсіе подземелья; но запрудненіе было шакъ велико, что и это казалось невозможнымъ.

Вдругъ раздается шумъ въ замкѣ и извлекаетъ Сиръ Карла изъ мрачныхъ его мыслей. Онъ подходитъ къ окошку и видитъ множество людей, разсѣянныхъ по саду: казалось, что они искали чего то съ великимъ вниманіемъ. Но кто же были эти люди, одѣтые въ одинакое платье и закрытые одинакими покрывалами? Однообразная ихъ одежда похожа на монашескую;

можетъ быть молчаніе ихъ естъ слѣдствіе строгаго предписанія. Но можно ли, чтобъ Сиръ Карлъ былъ въ монастырѣ? За чѣмъ его сюда привезтъ и держать въ заточеніи? чего оубо него хотѣли? Какая будетъ развяска сего страннаго и непонятнаго приключенія?

Размышляя такимъ образомъ, Сиръ Карлъ не отходилъ оубо окошка: онъ видѣлъ, что эти люди осматривали всѣ кусны и бесѣдки, и полагаю, что они искали того человѣка, которой произнесъ его имя. Розыски ихъ были продолжительны, однако они никого не нашли. Наконецъ они соединились на открытомъ мѣстѣ и спали рядомъ передъ человѣкомъ, одѣтымъ также, какъ и они, но къ которому они оказывали величайшее почте-

ніе. Человѣкъ сей, казавшійся ихъ начальникомъ, началъ ихъ осматривать всѣхъ по порядку; приподнималъ у каждаго покрывало и пересмотрѣлъ всѣхъ безъ исключенія. Послѣ того они разошлись, и какъ въ саду, такъ и въ замкѣ все утихло.

Послѣ обѣда Сиръ Карлъ хотѣлъ продолжать членіе Кристоновой исторіи; но опасался, чтобъ не вошли нечаянно въ его комнату. Сверхъ того онъ безпресшанно слышалъ глухой шумъ, который его очень беспокоилъ; ибо онъ не могъ узнать оцѣ чего онъ происходилъ? Цѣлой день провелъ онъ въ крайнемъ смущеніи и полагая, что приключеніе его въ саду сдѣлаетъ какую нибудь переменну въ его положеніи, рѣшился употребить всѣ спо-

собы, щобъ уйши въ попіъ же вечерѣ. Какъ скоро онъ опужниналъ, то отворилъ дверь, находящуюся за порплетомъ Ланцелопа, и принялъ твердое намѣреніе не возвращаться въ свое започеніе, какъ вспомнилъ о Киспоновой испоріи. Желая взять съ собою сію любопытную рукопись, онъ раздѣлся, сложилъ сукно въ нѣсколько разъ, обернулъ его окола шѣла и снова одѣлся; потомъ взялъ шулъ, изъ кошораго хотѣлъ сдѣлать колья, чтобъ посредствомъ ихъ легче выдѣзть изъ отверствія въ подземельѣ, и съ лампадою въ рукахъ пошелъ по лѣспниці. Но едва сошелъ спупеней двадцать, какъ узналъ причину глухаго шума, кошорой цѣлой день слыщалъ: дверь внизу лѣспниці была закладена

кирпичною стѣною. Какъ описать опчаяніе Сирѣ Корла? ему не оставалось уже средства къ избавленію. Опломкомъ спула спарался онъ пробишь стѣну, и съ великимъ трудомъ выбилъ нѣсколько кирпичей, но позади стѣны увидѣлъ желѣзную дверь, прошивъ которой всѣ усилія его были тщетны: несчастный Сирѣ Карлъ, лишенный надежды, возвратился въ свое заточеніе. Едва успѣлъ онъ прикрѣпить по прежнему карпінку, какъ дверь въ его комнашѣ отворилась; двенадцать человекъ, у которыхъ на лицахъ были покрывала, вошли съ факелами и сдѣлали ему знакъ за ними слѣдовать. Они повели его черезъ длинныя галлерей, и вошедъ въ стѣни, остановились передъ за-

першою дверью, гдѣ стояли около четверти часа въ глубокомъ молчаніи. Вдругъ дверь отворилась, и его ввели въ обширную залу, обитую чернымъ сукномъ и освѣщенную лампадами, закрытыми чернымъ крепомъ. Слабой ихъ свѣтъ умножалъ ужасъ сего мѣста. Сирѣ Карлъ былъ въ изумленіи; но сохраняя свое хладнокровіе, увидѣлъ въ концѣ залы великолѣпную гробницу изъ чернаго мрамора. Передъ нею стояли кресла древней фигуры, и черная занавѣска, которою они были завѣшены, мѣшала видѣть, что на нихъ находилось; рѣшетка ошдѣляла гробницу и кресла, и къ ней былъ только небольшой проходъ, охраняемый двумя арапами съ сверкающими мечами.

Надзираштели Сирѣ Карла посадили его прошивъ рѣшешки и немедленно вышли: онъ думалъ, что оспался одинъ съ арапами, какъ вдругъ грозной голосъ, копорой, казалось, выходилъ изъ гробницы, сказалъ ему: „что думаешь ты, Сирѣ Карлъ, о томъ, что тебя окружаешь?“, — Ничего отвѣчалъ онъ хладнокровно. — „Не ужели оно не возбуждаетъ въ тебѣ никакой идеи? — Никакой; естли хотятъ лишитъ меня жизни, то эиѣ приуготовленія не нужны; естли же хотятъ меня пугать, то тѣмъ болѣе онъ бесполезны, и я говорю смѣло, что ни мученія, ни самая смерть меня не поколеблятъ. Хорошо, молодой человекъ, я и не ожидалъ менѣе отъ своего мужества; естли бы я въ тебѣ со-

мнѣвался, по выборѣ мой не палъ бы на тебя: но оставимъ это; теперь отвѣчай мнѣ. — Говори, я тебя слушаю. — Можешь ли ты узнатьъ голосъ, которой въ саду вскричалъ: Боже мой! это онъ! — Не знаю. — Я пребую отъ тебя, что естли ты его узнаешь между шѣми, которые услышишь, то скажи мнѣ немедленно. —

Съ самаго начала разговора, Сирѣ Карлѣ спарался узнать, подлинно ли говорящій ему голосъ выходилъ изъ гробницы; но по окончаніи его онъ узналъ, что кресла за черною занавѣскою скрывали человѣка, которой ударилъ въ ладоши. Дверь, куда вошелъ Сирѣ Карлѣ, вдругъ отворилась, и онъ увидѣлъ множество людей, одѣтыхъ сипраннымъ образомъ, которые

проходили мимо его и говорили одинъ послѣ другаго: Боже мой, это онъ! Онъ потчасъ узналъ голосъ, которой слышалъ въ саду, но никакъ не хотѣлъ того сказать, опасаясь сдѣлать вредъ чловѣку, бравшему въ немъ участіе. Сверхъ того голосъ сей казался ему давно уже знакомъ и онъ старался вспомнить, гдѣ его слышалъ. И такъ рѣшась твердо все это скрыть онъ отвѣчалъ, что не узналъ его. Тогда допрошикъ Сиръ Карла сдѣлалъ знакъ: всѣ вышли, кромѣ двухъ Негровъ; послѣ сего онъ сказалъ несчастному плѣннику: „все, что ты не видишь въ этомъ замкѣ, для тебя не опасно, еслили ты будешь повиноваться повелѣніямъ, которыя дадутъ тебѣ: но онъ предвѣщаетъ твою смерть, ко-

гда ты будешь ослушенъ. „Я не знаю, чего отъ меня хотятъ; но знай, что угрозы твои для меня не страшны, и что я не сдѣлаю ничего противнаго справедливости и чести. — Я того только отъ тебя и пребуду. . . Послушай, гробница эта заключаетъ молодую особу, принесенную въ жертву гнусной злобѣ, во цвѣтѣ лѣтъ ея: гонимель ея живетъ еще и злодѣянiе его не наказано; но мечь мщениа виситъ надъ нимъ и ты избранъ пронзить сердце сего изверга! „ — Боже мой, что я слышу! — Сибши поразишь его; это есть единственное средство найти ихъ, которые уже шесть мѣсяцевъ составляютъ единственную предметъ твоихъ розысковъ. „ — Какъ! . . опецъ мой! . . мать

моя! — „Какъ скоро мщевіе бу-
 дешь исполнено, то ты будешь
 соединенъ навсегда съ твоими
 родителами.“ — „Если это пра-
 вда, то боюсь тебѣ. . . Но ахъ!
 увлеченный сыновнею любовью
 я совѣмъ было забылъ: нѣтъ!
 знай, что ты не соблазнишь
 меня столь лестнымъ обѣща-
 ніемъ моему сердцу! — Какъ!
 ты не рѣшаешься! — Нѣтъ! я
 рѣшился и не хочу купитьъ убій-
 ствомъ щастіе видѣнь моихъ
 родственниковъ: рука моя ни-
 когда не учинитъ злодѣянія. —
 Повинуйся, Сиръ Карлъ, и не
 заславъ меня принудишь себя
 къ послушанію. Подумай, что
 ты въ моей волѣ и безъ того
 никакъ не можешь быть сво-
 боденъ. — „Я уже сказалъ те-
 бѣ, что ничего не спрашусь;
 угрозы твои ни мало на меня

не подѣйствуюшѣ, и ничто не можешѣ меня поколебать.“ И такѣ въ послѣдній разѣ: согласенѣ ли ты повиноваться?— Никакѣ. Едва произнесѣ Сирѣ Карлѣ сіе слово, какѣ бывшій съ нимѣ человекѣ ударилѣ въ колоколѣ, отѣ чего раздался въ залѣ унылой звукѣ: дверь, находившаяся близѣ гробницы, отворилась съ шумомѣ и поспѣшнѣ вбѣжало нѣсколько людей, которые падали за собою женщину въ обморокѣ; это была Женни... Узнавъ сестру свою, Сирѣ Карлѣ бросился къ ней на помощь; но арапы удержали его, приснавя мечи къ груди его.

Хочешѣ ли ты, сказалѣ тотѣ же человекѣ Сирѣ Карлу, исполнишѣ данное тебѣ повелѣніе?— Нѣшѣ, варварѣ! отвѣчалѣ онѣ

сѣ негодованіемъ. „И такъ по твоей волѣ прольется кровь невинной сестры твоей.“ — Тутъ опускають Женни на полъ; мечи надъ нею сверкають и злодѣи ожидаютъ только повелѣнія, чшобы поразить ее. При семъ ужасномъ зрѣлицѣ Сиръ Карлъ вскричалъ въ отчаяніи: постой, жестокой! я жертвую всѣмъ для спасенія жизни сестры моей; для нее буду повиноваться безчеловѣчнымъ твоимъ требованіямъ. Подойди же ближе. — Арапы взяли Сиръ Карла за руки и подвели его къ кресламъ; припѣснисьель его говорилъ ему: клянись на этой гробницѣ жизни сестры твоей исполнишь во всемъ волю мою — Клянусь, сказалъ онъ содрогаясь. — Я принимаю твою клятву, и сестра твоя будетъ залогомъ ея

исполненія? — Какъ, сестра моя!.. исполни то, что тебѣ предписано, и будь на щепѣ ея спокоенъ.

Тупъ злодѣй сдѣлалъ знакъ и Женни немедленно унесли, хотя она все еще была въ обморокъ. Боже мой! вскричалъ Сиръ Карлъ, меня разлучаютъ съ сестрой моей! — Какъ скоро ты исполнишь свою клятву, то она будетъ свободна., — Но кто та несчастная жертва, которую я долженъ поразить? — Возьми эпортъ портретъ и по немъ узнаешь преступника! Гдѣ же долженъ я его искать? — Ищи его въ Шотландіи, гдѣ онъ скрывается. — Но въ какомъ же мѣстѣ самъ я нахожусь? Тебѣ эшаго знать не должно — По крайней мѣрѣ скажи мнѣ причину, по которой эпортъ не-

щасшной достойнѣ смерти? „ Молодой человекъ! берегись пустаго любопытства; ты произнесѣ кляпву и долженѣ ее исполнить.

Послѣ этого отворилась дверь; надзирашели Сирѣ Карла вошли, и взявѣ его подѣ руки, отвели вѣ его комнату, гдѣ оставили опять одного.

Долго не могѣ онѣ прийти вѣ себя; кровь его была вѣ непрерывномѣ волненіи; но наконецѣ когда нѣсколько успокоился онѣ, то множество идей представились его воображенію: вскорѣ онѣ всѣ обратились на участь несчастной Женни. Какимѣ образомѣ находилса она во власти ширана, котораго Сирѣ Карлѣ видѣлъ? Нѣжной братѣ можетѣ ее избавить; но жизнь ея будетѣ стоить

смертоубійства; за свободу ея онъ долженъ заплашишь кровію неизвѣстнаго челоуѣка, которой можешъ бытъ невиненъ; а еслы ли пощадишь его, то будетъ причиною смерти Женни. На чемъ бы онъ ни остановился, то все останешся убійцею: и такъ можешъ ли онъ предпочесъ сестрѣ неизвѣстнаго челоуѣка? не должна ли была сама природа назначишь его выборъ! О, какъ раздиралось чувствительное сердце несчастнаго Сирѣ Карла сею нерѣшимостію; когда бы онъ могъ своею жизнію избавишь сестру свою, то пожертвовалъ бы ея охотно; но можешъ бышь смерть его только ускоришь погибель Женни, не избавивъ жершвы, которую велѣно ему поразитъ. Еслы бы онъ могъ какъ ни-

будь уйти и достать оружіе, по отважился бы на всѣ опасности, дошелъ бы до Женни и былъ бы, можетъ быть, довольно щасливъ, чтобъ освободить ее изъ рукъ ея притѣснителей; но онъ былъ одинъ и лишенъ всѣхъ средствъ къ исполненію сего предпріятія переди множества злодѣевъ, преданныхъ его гонителю.

Смущенный сими печальными мыслями, Сиръ Карлъ ходилъ по своей комнаѣ скорыми шагами, какъ проходя мимо окошка увидѣлъ нѣсколько людей въ саду; отворивъ дверь и вышедъ на балконъ, разсмотрѣлъ, что два человѣка гуляли; одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ по обыкновенію замка, а другой по-Англійски: они говорили съ жаромъ, но Сиръ Карлъ не могъ ничего

разслушать. Наконецъ, какъ они поворопили въ другую алею, то при лунномъ свѣтѣ увидѣлъ онъ лице послѣднюю, и узналъ въ немъ незнакомца, котораго сестра его нѣсколько разъ пугалась. Удивляясь, что странной эпортъ человекъ находился въ таинственномъ замкѣ, онъ вспомнилъ, что онъ былъ тогда самой пассажиръ, которой противился онѣбзду корабля отъ острова, когда считали его съ Гюшнеромъ погибшими въ грошѣ; онъ вспомнилъ также, что пассажиръ сей уѣхалъ на шлюпкѣ, которую Капитанъ послалъ на берегъ наканунѣ входу своего въ Плимутскую гавань, и когда сестра его пугалась, то Гюшнеръ былъ всегда очень хладнокровенъ и даже увѣрялъ, что ничего не видалъ.

Мысль эта подала Сирь Карлу поводъ подумать, что Гюшнеръ имѣлъ съ симъ незнакомцемъ какія нибудь связи, которыхъ онъ прежде не воображалъ; и не взирая на дружбу его къ Капишану, онъ началъ подозрѣвать его. Чѣмъ болѣе размышлялъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ своемъ подозрѣннн; ибо по видимому все служило тому доказательствомъ. Онъ очень зналъ, что Гюшнеровы мапроры схватили его въ гавани, заперли въ сундукъ и привезли на судно, съ котораго онъ былъ высаженъ на неизвѣстную ему землю, гдѣ находился плѣнникомъ. Безъ сомнѣнн Гюшнеръ измѣнилъ ему, чтобъ услужить таинственному пирану, копорой предписалъ ему безчеловѣчное повелѣнн, и можетъ быть

Женни должна была быть наградою подлаго поступка Капитана.

Между тѣмъ, какъ Сиръ Карлъ размышлялъ такимъ образомъ, пассажиръ и товарищъ его пошли въ замокъ; послѣ чего и онъ возвратился въ свою комнату. Едва успѣлъ онъ зашворить болконную дверь, какъ вошелъ одинъ изъ его надзирателей. Чего еще хлѣтятъ стѣны меня? — сказалъ Сиръ Карлъ. Но вмѣсто отвѣта незнакомецъ сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ молчалъ, и какъ Сиръ Карлъ хотѣлъ его еще спросить, то онъ приставилъ къ груди его пистолетъ. Онъ былъ приведенъ въ ужасъ нечаянною сею опасностію; тогда надзиратель его, не скрывая лица своего, бросился въ его объятія, прижималъ

его къ сердцу и нѣсколько разъ
 тяжело вздохнулъ. Сирѣ Карлъ
 не зналъ, что думать о сихъ
 знакахъ дружбы и угрозахъ, ко-
 торые онъ дѣлалъ ему попере-
 мѣнно. Наконецъ спранный
 эшопъ человекъ вынулъ изъ-
 подъ полы такое же плащье,
 въ какое былъ самъ одѣтъ, сдѣ-
 лалъ ему знакъ надѣсть его на
 себя и хранить молчаніе. Сирѣ
 Карлъ повиновался, не понимая
 цѣли сего предложенія. Какъ
 скоро онъ надѣлъ плащье, шо
 незнакомецъ накинулъ на него
 черное покрывало, обнялъ его
 еще разъ, и повпорилъ знакъ
 не говорить ни слова, угрожая въ
 противномъ случаѣ смертію;
 потомъ взялъ его за руку, вывелъ
 изъ комнаты и заперъ дверь.

Знаки дружбы, которые онъ
 оказывалъ Сирѣ Карлу, заста-

вили думать сего послѣдняго что онъ намбрень его избавить. Платье, въ которое онъ его одѣлъ, могло укрыть его отъ пронцапельныхъ взоровъ служителей замка. Онъ ласкается надеждою быть скоро на свободѣ; ибо проводникъ повелъ его въ садъ. Но за чѣмъ наблюдалъ онъ глубокое молчаніе; можетъ быть опасался, чтобъ Сиръ Карлъ его не узналъ; можетъ быть это самъ Гюпнеръ, которой, будучи перзаемъ совѣстію за оскорбленія, нанесенныя имъ своему другу, хотелъ загладить вину свою. Ахъ! пусть онъ только во всемъ признается, пусть возвратитъ свободу Женни, и братъ ея все забудетъ.

Когда Сиръ Карлъ сошелъ внизъ по лѣстницѣ, находившейся подлѣ садовой двери, то

проводникъ повелъ его въ узкой коридоръ, изъ котораго былъ ходъ въ ту самую залу, гдѣ за нѣсколько часовъ прежде видѣлъ онъ невинную Женни, готовую лишиться жизни. Войдя въ это жилище ужаса, гдѣ царствовала тишина и мрачность, Сиръ Карлъ потерялъ льстившую ему надежду, и опасался быть подверженъ новымъ жестокоспямъ.

Лампада проводника его изливала слабый свѣтъ на стѣны, обитыя чернымъ, и Сиръ Карлъ слѣдуя за нимъ, подошелъ къ гробницѣ; ужасъ его умножался на каждомъ шагу и онъ едва не лишился своей швердостии; однако, какія бы опасности ему ни предстали, но онъ рѣшился непременно видѣть развязку сего страннаго при-

ключенія. Проводникъ его пошелъ за гробницу, отворилъ небольшую дверь, и показавъ лѣсплицу, сдѣлалъ знакъ, чтобъ онъ шелъ впередъ.

Сиръ Карлъ безпрестанно оглядывался, чтобъ примѣчать движенія незнакомца, котораго онъ началъ подозрѣвать въ какомъ нибудь злодѣйскомъ намѣреніи, потерявъ надежду быть свободнымъ. Сошедъ ступеней тридцать, проводникъ его наклонился, чтобъ поставитъ лампаду; Сиръ Карлъ тотчасъ бросается на него, чтобъ вырвать у него оружіе; но онъ немедленно поднялся и приставилъ къ груди его пистолетъ. Огорченный сею неудачею, Сиръ Карлъ ожидалъ равнодушно смерти; но проводникъ его бросился къ нему на колѣни, и, казалось,

просилъ прощенія за учиненное ему насиліе. Не понимая спранныхъ сихъ поступковъ, Сирѣ Карлъ пропянулъ ему руку, чтобъ его поднятъ; незнакомецъ схватилъ ее, прижалъ въ своему сердцу и сдѣлалъ знакъ ишти внизъ и хранилъ молчаніе. Ничто не могло сравнянъ сѣ удивленіемъ несчастнаго брата Женни. Недоумѣніе его умножалось безпрестанно; но онъ надѣялся, что тайна сія скоро откроется, и онъ продолжалъ сходить.

Когда они сошли внизъ, то лампада, поставленная на лѣсницѣ, уже ихъ не освѣщала; тогда незнакомецъ, взявъ Сирѣ Карла за руку, велъ его очень долго въ самой глубокой шемношѣ.

Вдругъ Сирѣ Карлъ видитъ стѣ-

гу, весьма свѣтло освѣщенную; онъ старался разсмотрѣть, откуда происходилъ сей свѣтъ; но ничего не узналъ. Не доходя до сей стѣны, проводникъ поворожилъ съ нимъ въ сторону; тогда Сиръ Карлъ понялъ, отъ чего происходилъ свѣтъ: чрезмѣрной величины лампада освѣщала подземелье, раздѣленное рѣшеткою на двое. Стоя подлѣ столба, поддерживающаго сводъ, онъ легко могъ видѣть все, не будучи самъ видимъ. Проводникъ поднялъ его покрывало, и положивъ ему на ротъ палецъ, приставилъ къ груди его пистолетъ.

Внутри подземелья, составляющаго обширную тюрьму, Сиръ Карлъ увидѣлъ женщину, погруженную въ глубочайшую горечь; сухощавое лице ея

было блѣдно, глаза томны и повпадшимъ щекамъ ея капились слезы. Прошивъ сей несчастной, прикованной къ стѣнѣ цѣпью, сшоялъ шкафъ, на копоромъ были часы, показывающія въ исходѣ второй часъ по полуночи. Сиръ Карлъ обратилъ все свое вниманіе на сію женщину, копорой участь раздирала его сердце; онъ смотрѣлъ на нее съ живѣйшимъ участіемъ. Вскорѣ, какъ будто пробудясь отъ болѣзненнаго сна, взглянула она на часы и вскричала: Боже мой! часъ приближается и мученіе мое снова начнется! . . . Жестокій Перкинсъ! . . . какое ужасное мщеніе!

При семъ плачевномъ воплѣ Сиръ Карлъ узнаетъ голосъ, слышанный имъ въ подземельѣ,

гдѣ видѣлъ машину, которая безъ сомнѣнія была сдѣлана для нарушенія спокойствія сей несчастной. Едва успѣлъ онъ сіе подумать, какъ ударило два часа. Вдругъ страшнѣйшій шумъ раздался въ подземельѣ, шкафъ отворился, и Сиръ Карлъ увидѣлъ съ ужасомъ двѣ восковыя статуи въ человѣческой ростѣ: одна представляла его самого, поражающаго другую статую, въ которой узналъ онъ изображеніе того незнакомца, чей порицатель былъ ему отданъ. Въ крайнемъ изумленіи смотрѣлъ онъ на это зрѣлище, какъ услышалъ опять стонъ несчастной. Ахъ! говорила она, каждой часъ жизни моей умножаетъ мои горести, представляя мнѣ сію страшную картину... Поспой, несчастной! . . что ты

дѣлаешь! . . . Кровь, которую ты готовъ пролить. . .

Сирѣ Карлѣ не могъ болѣе ничего разслушать; прежней шумъ раздался и шкафъ зашворился съ трескомъ. Наполненные слезами глаза его устремляются на несчастную, которой участь приводила его въ отчаяніе; она уже ничего не говорила, и безпрестанно рыдая, упала въ обморокъ.

Распроганный Сирѣ Карлѣ бросается къ рѣшеткѣ; но проводникъ его удерживаетъ, опускаетъ его покрывало и зажавъ ему рукою ротъ, тащитъ назадъ. Взойдя на лѣстницу, онъ взялъ свою лампаду, оживель плѣнника въ его комнату, и остановясь у двери, обнялъ его въ послѣдній разъ. Сирѣ Карлѣ чувствуешь, что слезы сего

незнакомца омочили лицо его сквозь покрывало ; по невольному движению бросается онъ въ его объятія: незнакомецъ снискалъ его любовь, хотя онъ не понималъ, какая была цѣль его показать ему ужасное зрѣлище, которое, онъ видѣлъ.

Обнявъ еще разъ Сиръ Карла, онъ вынулъ изъ кармана записку и подалъ ему ее; но въ самое то время, какъ онъ просянулъ руку, чтобъ ее взять, другая дверь отворилась, и Сиръ Карлъ содрогнулся, увидя, что вошелъ тотъ самый пассажиръ, котораго пугалась нѣсколько разъ Женни. Тутъ незнакомецъ немедленно положилъ записку въ ротъ, погасилъ лампаду и скрылся., Сюда, друзья, кричалъ пассажиръ, и бросился въ ту сторону, куда побѣжалъ про-

водникъ Сиръ Карла: раздался
 листошестой выстрѣлъ и по-
 томъ все умолкло. Тогда не-
 щастной плѣнникъ думалъ вос-
 пользоваться симъ случаемъ,
 чтобъ уйти; ибо двери ошались
 не запершы; но едва успѣлъ
 онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ,
 какъ увидѣлъ двухъ Араповъ съ
 мечами, и еще нѣсколько лю-
 дей, которые несли факелы.
 Они почасъ схватили Сиръ Кар-
 ла; высокой человѣкъ сорвалъ
 съ него покрывало и опсшупивъ
 назадъ, вскричалъ съ удивлені-
 емъ: „Боже мой, это Сиръ Кар-
 ль! — Такъ, это я, отвѣчалъ
 онъ, узнавъ голосъ тирана, ко-
 торой въ залѣ гробницы пре-
 бовалъ отъ него ужасной кля-
 пвы. Онъ велѣлъ отвезти Сиръ
 Карла въ свою комнату, и тамъ
 хотѣлъ узнать, какое было его

намѣреніе и какимъ образомъ досталъ онъ это плащье; но мужественной молодой человѣкъ не отвѣчалъ на его вопросы, и тиранъ, пришедши въ бѣшенство, вышелъ съ угрозами, опасая его подѣ охраненіемъ Араповъ.

Размышляя объ этомъ происшествіи, Сиръ Карлъ понялъ, что незнакомецъ водилъ его въ подземелье безъ согласія гонителя. Онъ полагалъ, что записка открыла бы ему цѣль сего намѣренія, и можетъ быть черезъ нее узналъ бы онъ средство избавиться; сверхъ того, такъ какъ знаки дружбы сего человѣка доказывали ему, что онъ бралъ въ немъ участіе, то онъ твердо рѣшился не говорить ничего, что могло возбудить подозрѣніе.

Вскорѣ возвратился тиранъ, имѣя въ рукахъ сосудъ, наполненный чернымъ питьемъ. Сиръ Карлъ, вскричалъ онъ, должно открыть мнѣ измѣнника, который доставилъ тебѣ эту одежду, или погибнуть. — Я презираю твои угрозы, отвѣчалъ Сиръ Карлъ. — Открой все немедленно, или питье сіе... Между гнуснымъ поступкомъ и смертію, отвѣчалъ Сиръ Карлъ, выборъ мой сдѣланъ. Вошь мой отвѣтилъ, прибавилъ онъ, взявъ сосудъ и выпивъ питье, которое въ немъ было.

Все удивились сему мужественному поступку; но Сиръ Карлъ улыбнулся, взглянувъ съ презрѣніемъ на злодѣевъ. Вскорѣ кровь его охладѣла и мрачное облако покрыло глаза его., Ахъ!

сказалъ онъ, пусть смерть моя не допуститъ васъ до новыхъ преступленій, и чтобъ несчастная Женни. . . Онъ не могъ выговорить болѣе не слова, и упалъ къ ногамъ своего ширана.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Сиръ Карлъ думалъ, что выпивъ пагубное питье, которое произвело въ немъ смертный хладъ, онъ кончилъ свои несчастія; но съ какимъ удивленіемъ увидѣлъ онъ опять дневной свѣтъ! Долго считалъ онъ это мечпою; но наконецъ увѣрившись, что живетъ еще, удивился болѣе, когда увидѣлъ, что стѣны того замка исчезли и что онъ находится въ лѣсу. Древніе дубы осѣняли зелень, на

которой онъ сидѣлъ; въ нѣсколькихъ шагахъ быстрой пошкѣ стремился съ горы и одно его паденіе, повторяемое эхомъ, возмущало тишину, царствующую въ семъ мѣстѣ.

Какая странная переменна! Сирѣ Карлъ свободенъ и одинъ съ самимъ собою, а за нѣсколько часовъ прежде былъ невольникомъ шайки убійцъ. Но какимъ образомъ перенесенъ онъ въ этотъ лѣсъ, и какъ могло спастись, что онъ еще живъ? Это каженся ему непоспимомою загадкою; однако онъ догадывается, что вмѣсто ядовитаго питья выпилъ наводящее сонъ. Ему пріятно было думать, что какой нибудь другъ подмѣнилъ напитокъ, чтобъ избавить его отъ злобы тирана. Всякой разъ, когда чувствовалъ

онѣ наслажденіе въ своемѣ бѣд-
співіи, шю сердце его, пипаю-
щее чувство благодарности,
искало того, кто бы могѣ быть
ея предметомѣ.

Но ужасное напоминовеніе
возмуцало удовольствіе Сирѣ
Карла; онѣ представлялъ себѣ,
чшо сестра его, любезная Женни,
оспалась плѣнницею въ шайн-
сшвенномѣ замкѣ, и содрогнул-
ся, вспомнивѣ, какимѣ образомѣ
могѣ ее избавить. Нѣшѣ! Сирѣ
Карлѣ не сдѣлается убійцею для
освобожденія сестры своей Какѣ
онѣ шеперь свободенѣ, шю мо-
жетѣ доспать оружіе и ишпи
въ замкѣ. Но гдѣ найти его;
да и въ какомѣ мѣстѣ самѣ онѣ
находится? Все эшо ему не
извѣстно. Однако, будучи на
свободѣ, можетѣ о шомѣ освѣ-
домиться. Лаская себя сею на-

деждою, онъ искалъ дороги, чтобы выйти изъ лѣсу прежде ночи; по солнцу, которое клонилось къ западу, счипалъ онъ, что было уже около шести часовъ по полудни, и такъ онъ пробылъ [шестнадцать часовъ въ сонномъ забвеніи. Наконецъ сыскавъ дорогу, пошелъ впередъ, и вскорѣ увидѣлъ лошадь, привязанную къ дереву; подошедъ къ ней нашелъ письмо, которое было зашкнута за сѣдло. Оно было надписано на его имя; онъ взялъ его и читалъ слѣдующее.

Повиновение или смерть.

Какъ скоро ты исполнишь свою клятву, то опомъ немедленно узнаешь. И такъ въ день полнолунія, въ которой послѣдуешь мщеніе, приходи на это

самое мѣсто; ты найдешь путь карену, которая доставитъ тебя въ замокъ, гдѣ и получишь награжденіе за свое повиновеніе. Но старайся достать непременно кольцо, носимое измѣнникомъ, котораго ты клялся поразить. Р. С. Думай о сестрѣ своей и не медли.

Письмо сіе доказало Сирѣ Карлу, что ширанъ его не ошибкою подалъ ему наводящій сонъ напишокъ; онъ видѣлъ, что злодѣй хотѣлъ воспользоваться его забвеніемъ, дабы онъ не могъ узнать мѣста, гдѣ находился замокъ. Осторожность сія удвоила горестъ Сирѣ Карла, которой лишился надежды подать сестрѣ своей помощь. Однако, не нашедъ другой дороги, рѣшился ѣхать по той же; онъ отвязывалъ уже

лошадь, какъ увидѣлъ на деревѣ корзину, наполненную свѣспными припасами. Надъ нею висѣлъ кошелекъ, къ которому привязана была записка слѣдующаго содержанія: „Лошадь сія и кошелекъ, въкоемъ находишься пяць сотъ гиней, принадлежатъ Сирѣ Карлу Келли.“

Подкрѣпивъ себя нѣскольکو пищею, Сирѣ Карлъ сѣлъ на лошадь и взявъ свѣспные припасы и деньги, далъ ей свободу, увѣренъ будучи, что она пойдетъ прямо къ замку. Черезъ часъ онъ выѣхалъ изъ лѣсу, но не видалъ ничего, кромѣ цѣпи скалъ, на копорыхъ были разсѣяны деревья. Дорога спановясь уже, шла между скалъ, и Сирѣ Карлъ, видя приближеніе ночи, опасался по ней ѣхать; однако.

не видя другой, рѣшился продолжать трудной путь свой.

Онъ ѣхалъ, разсматривая крутые скалы, какъ вдругъ увидѣлъ на одной изъ нихъ человека, которой на него смотрѣлъ; съ какимъ удивленіемъ узналъ онъ въ немъ незнакомца, почти безпреспанно слѣдовавшаго за нимъ, и котораго онъ видѣлъ наканунѣ въ замкѣ. Сиръ Карлъ надѣялся воспользоваться уединеніемъ сего мѣста, чтобъ узнать побуждавшую его къ тому причину. Онъ сходитъ поспѣшно съ лошади, идетъ съ трудомъ по скалѣ, и наконецъ приходитъ на то мѣсто, гдѣ видѣлъ страннаго сего незнакомца; но онъ уже исчезъ и Сиръ Карлъ нигдѣ не могъ найти его.

Опасаясь сбиться съ дороги, онъ возвратился къ своей ло-

шади и продолжалъ свой путь, сожалѣя, что пропустилъ случай узнать тайны замка и причину, для чего незнакомецъ за нимъ слѣдовалъ.

Наступившая вскорѣ ночь подвергла нашего героя величайшимъ опасностямъ; темноша скрывала отъ него пропасти, близъ которыхъ онъ ѣхалъ, и лошадь его была единственныиъ его путеводителемъ. Вдругъ благоразумное животное оспановилось; Сиръ Карлъ понуждалъ ее, но она отступила назадъ. Удивленный сею упорностію, онъ старался узнать, отъ чего она происходила, и увидѣлъ подъ собою бездну. Надменный человекъ мечтаетъ, что онъ одинъ имѣетъ способность мыслить и рассуждать; онъ говоритъ, что прочія животныя поступаютъ только по

инстинкту; но сколько бы люди выиграли, когда бы промѣняли свой разумъ на инстинкты животныхъ! Такъ думалъ Сиръ Карлъ, признаваясь, что онъ обязанъ былъ жизни своей лошади. Посмотрѣвъ со вниманіемъ вокругъ себя, увидѣлъ онъ дорогу на право и по ней поѣхалъ. Она шла къ низу, и онъ думалъ, что она ведетъ его въ ту бездну, въ кою едва было не погибъ. Глухой шумъ, умножающійся безпрестанно, увеличивалъ ужасъ ночи; но наконецъ луна выглянула изъ-за облаковъ, и передъ нимъ открылось море.

Видъ сей успокоилъ Сиръ Карла. Онъ ласкался надеждою, что ѣхавъ вдоль берега, найдетъ какую нибудь рыбацью хижину; и продолжая путь

свой , увидѣлъ не далеко отъ берега барку; онъ вскричалъ отъ радости, и крикъ его былъ повторяемъ эхомъ: ему казалось, что множество голосовъ ему отвѣчали, и онъ надѣялся, что его услышали, ибо барка приближалась на веслахъ. Люди, находившіяся въ ней, выскочили на берегъ, и Сиръ Карлъ поскакалъ къ нимъ; но какъ описать его удивленіе, когда они бѣжали къ нему съ саблями въ рукахъ! Будучи слишкомъ смѣлъ, чпобъ обратиться въ бѣгство, онъ схватилъ свои пистолешы и кричалъ бездѣльникамъ: кто бы вы ни были, не приближайтесь, или вы погибнете; не взирая на это они на него напали; одинъ изъ нихъ схватилъ за узду лошадь Сиръ Карла; но онъ положилъ его на мѣстѣ пистолепнымъ выстрѣломъ ;

между тѣмъ другой воткнулъ саблю свою въ грудь лошади; она упала, и несчастный братъ Женни вмѣстѣ съ нею. Вскочивъ немедленно, онъ мужественно оборонялся и поразилъ еще одного разбойника; но послѣ сего спалъ уже безъ оружія. Гнусные его непріатели, пользуясь его замѣшательствомъ, схватили его, связали ему руки, и пошацили къ баркѣ. Тупѣ услышали они конской топотъ и вдругъ явился человекъ верхомъ, имѣя въ рукахъ блестящій отъ лунныхъ лучей мечъ, и бросился между корсеровъ. Трое изъ нихъ напали на всадника, между тѣмъ какъ остальные два шацили Сиръ Карла, которой тщетно старался у нихъ вырваться. Они были уже въ нѣсколькихъ

шагахъ отъ барки, какъ при- скакалъ другой всадникъ: испра- шенные бездѣльники оставили Сиръ Карла, бросились въ бар- ку и удалились отъ берега. По- дойди, Сиръ Карлъ! сказалъ не- знакомецъ; я развяжу тебѣ ру- ки.—Сиръ Карлъ подошелъ къ нему, благодаря его; незнако- мецъ, перерѣзавъ веревки, го- ворилъ ему: „возьми это ору- жіе и спѣши на помощь къ тво- ему избавителю. Едва успѣлъ онъ это выговорить, какъ уда- рилъ свою лошадь и поскакалъ прочь; но луна освѣтила лице его и Сиръ Карлъ узналъ въ немъ того страннаго человѣка, которой безпреспанно за нимъ слѣдовалъ послѣ возвращенія его изъ Ямайки, безъ всякой из- вѣстной ему причины.

Удивляясь сей странности,

онъ забылъ опасность своего избавителя; но пришедъ въ себя, спѣшилъ къ нему на помощь; однако когда онъ прибѣжалъ, то незнакомецъ поразилъ уже послѣдняго разбойника. Желая изъяснить благодарность свою сему великодушному человеку, Сиръ Карлъ бросился въ его объятія, и не могъ выговорить ни слова. Наконецъ, когда волненіе чувствъ его миновалось, сказалъ онъ ему: „какъ могу возблагодарить васъ за оказанное мнѣ вами благодѣяніе? — Вы ничѣмъ мнѣ не обязаны, отвѣчалъ незнакомецъ: человеколюбіе обязывало меня подать вамъ помощь. — „Ахъ, избавитель мой! благодарность моя Я принимаю ее съ удовольствіемъ. Но какимъ щасливымъ слу-

чаемъ вы здѣсь находитесь? — Поперявъ дорогу между сихъ скалъ, я старался изъ нихъ выѣхать, какъ вдругъ услышалъ крикъ и потомъ выстрѣлъ; тогда понуждая лошадь свою, я поспѣлъ на помощь къ вамъ въ то время, какъ васъ тащили на барку; и поставляю себѣ за щасліе, что избавилъ васъ изъ рукъ бездѣльниковъ.

Сиръ Карлъ, полагая, что незнакомецъ сей былъ товарищемъ того, который обратилъ двухъ разбойниковъ въ бѣгство, надѣялся чтонибудь о немъ узнать; однако сей послѣдній перемѣнилъ разговоръ, просилъ его указать ему дорогу къ какому нибудь обитаемому мѣсту. „Ахъ! сказалъ Сиръ Карлъ, я не только что сбился съ пути, шакже какъ и вы, но и не

знаю даже, въ какой землѣ нахожусь. „ — Какъ, вы не знаете, что вы въ Шопландіи? — „ Въ Шопландіи ?, .. Спранность моихъ приключеній не позволила мнѣ этого знать до сего времени. „ — Это меня очень удивляетъ; и такъ мы оба безъ приспанища; однако силы мои исшощились и мучительной голодъ „ Успокойтесь, у меня было нѣсколько свѣстныхъ припасовъ; мы можемъ ими подкрѣпить себя.

Не взирая на мрачныя облака, копорыя скрывали иногда луну, Сиръ Карлъ опыскалъ свои припасы, и взявъ ихъ, пошелъ съ незнакомцемъ на скалу; тамъ они отдохнули и нѣсколько поѣли. Пошомъ сошли оныя на берегъ, надѣясь, что идучи вдоль его, найдушъ

какое нибудь жилище. Пройдя нѣсколько шаговъ, услышали пріятной голосъ; долго считали они это мечтою, но наконецъ увѣрились, что онъ выходилъ изъ ближняго мѣста. При лунномъ свѣтѣ увидѣли они опверсіе гроба, находящагося подлѣ нихъ и немедленно въ него вошли; въ немъ голосъ былъ слышенъ гораздо явственнѣе; но какъ скоро они изъ него выходили, то онъ становился слабѣе. Удивленіе ихъ увеличилось, когда сходя въ концѣ гроба, узнали, что звуки происходили отъ игранія на арфѣ и были сопровождаемы женскимъ голосомъ. Они услышали слѣдующія слова:

Четырнадцать лѣтъ дѣвица
 Мечтаетъ тайно о любви;
 Она подобна юной розѣ,

Едва раскинувшей свой цвѣтъ.
 Въ ея умильныхъ, нѣжныхъ взорахъ
 Спыдливость робкая видна:

Улыбка на устахъ прелестныхъ,
 Невинности сердечной знакъ.

Какъ скоро минетъ ей шестнад-
 цать,

То кровь волнуется въ груди;

Она повсюду ощущаетъ

Въ душѣ несносну пустыню.

Когда же въ первый разъ услышитъ:

„Прекрасная, люблю тебя!“,

То все на свѣтѣ забываетъ —

Не знаетъ, что на то сказать.

Страшись, о юность непорочна,

Страшись обманчивой любви!

Она скрываетъ часто бездну,

Прельщая блескомъ красоты!

Познай, что клятва съ престу-
 пленьемъ

Почти всегда въ однихъ устахъ:

И потѣ одинъ любилъ умѣетъ,

Кто свято добродѣтель чинитъ!

Увѣрены будучи, что скалы сіи обитаемы, Сирѣ Карлѣ и товарищъ его спарались найши дорогу, которая бы привела ихъ къ жилищу пѣвшей женщины. Зная чувствительность и состраданіе нѣжнаго пола, они надѣялись, что она не откажетъ имъ въ гостепріимствѣ.

Размышляя такимъ образомъ, путешественники наши ходили между скалъ. Сирѣ Карлѣ шелъ впереди своего товарища, которой велъ свою лошадь за узду; вдругъ она оступилась, упала въ пропасть и повлекла за собою своего хозяина; но по щасію онъ выпустилъ поводъ, и Сирѣ Карлѣ успѣлъ его удержанъ. Будучи испрашены симъ приключеніемъ, они не смѣли продолжанъ путь свой; они содрогались отъ

угрожавшей имъ опасности и пробыли нѣсколько времени въ глубокомъ молчаніи. Наконецъ ночное свѣтило явилось въ полномъ своемъ блескѣ; мрачныя облака разсѣялись, и свѣтъ оживилъ мужество Сиръ Карла и его товарища: ободряя другъ друга, они пошли далѣе. Не удаляясь отъ того мѣста, гдѣ было слышно прекрасное пѣніе, они старались отыскать къ нему дорогу; однако все исканіе ихъ было тщетно и черезъ нѣсколько времени они пришли опять къ морскому берегу. Огорченные сею неудачею и опасаясь сбиться совершенно съ дороги, они рѣшились ожидать солнечнаго восхода и удалились въ какое нибудь мѣсто, удобное для препровожденія ночи. Но едва успѣли они

пройти нѣсколько шаговъ, какъ увидѣли свѣтъ въ близкомъ разстояніи; они немедленно туда пошли и пришли къ лѣспницѣ, которая, казалось, была высѣчена въ скалѣ самою природою; взойдя по ней, пришли къ двери, подлѣ которой было не большое окошко, откуда выходилъ свѣтъ.

Обрадованный Сирѣ Карлѣ постучался, и вскорѣ вышелъ старикъ, котораго благородный и пріятный видъ не отвѣчалъ его просной рыбацкой одеждѣ. „Не откажи, доброй старикъ, въ госшепримствѣ двумъ путешественникамъ, поперявшимъ дорогу, сказалъ Сирѣ Карлѣ. Милости прошу, отвѣчалъ рыбацкъ; я радъ всегда гостямъ и буду служить вамъ всѣмъ шѣмъ, что у меня есть.—“Будь увѣ-

ренъ , что мы не употребимъ во зло своего снисхожденія. — Говоря такимъ образомъ , они вошли въ хижину, находящуюся въ скалѣ. Тогда въ первый еще разъ Сиръ Карлъ взглянулъ съ большимъ вниманіемъ на своего повариха; онъ хотѣлъ разглядѣть черты своего избавителя; и какъ описать его удивленіе, когда онъ узналъ въ немъ того человека, копорого клялся погубить!

Увидя кровь на его плащѣ, онъ вскричалъ отъ ужаса, лишился силъ и упалъ въ его объятія. Между тѣмъ, какъ повариха Сиръ Карла поддерживалъ его, рыбакъ дѣлалъ ему всѣ нужныя пособія, и когда онъ пришелъ въ себя, то спросилъ причину его смущенія. Знай, сказалъ Сиръ Карлъ, что

этомъ великодушной человѣкъ подвергалъ за меня жизнь свою опасности; я вижу на его платьѣ кровь и шрепещу. . . — Успокойся, молодой человѣкъ, кровь сія не его, а твоихъ убійцъ.— При словѣ убійцы Сиръ Карлъ содрогнулся, вспомнивъ, что онъ далъ клятву онымъ бытъ, и видя, что избавитель его назначенъ жершвою. Пожалуй оставъ свое сомнѣніе, сказалъ рыбакъ, которой примѣтилъ волненіе его чувствъ; безпокойство твое происходитъ отъ благодарности, но избавитель твой не раненъ.

Какъ скоро Сиръ Карлъ нѣсколько успокоился, то рыбакъ спрашивалъ его, какимъ образомъ зашли они въ такое отдаленное мѣсто? Путешественники рассказали ему въ корот-

кихъ словахъ случай, по которому встрѣтились, и тщетныя свои старанія найти мѣсто, гдѣ слышали прелестное пѣніе. Казалось, что рыбаки этому удивлялся, и просилъ ихъ сводить его туда, какъ скоро наступитъ день.

Едва кончили они свой разговоръ, какъ услышали при удара, но не могли узнать, откуда происходилъ шумъ. Тутъ рыбаки поспѣшно затворилъ дверь, въ которую они вошли, и обернувшись къ Сиръ Карлу и товарищу его, сказалъ: „Государи мои! я довольно уже васъ знаю, чтобъ починать васъ; одинъ честной человекъ подвергаетъ жизнь свою опасности для спасенія ближняго; а тотъ, кто знаетъ благодарноснѣе, этого достоинъ; и такъ

я смѣло могу на васъ положить-
са. Я намѣренъ доставить вамъ
всѣ удовольствія, какія мож-
но имѣть въ этомъ мѣсѣ, и
вы можете въ немъ пребыть,
сколько вамъ угодно; нѣтъ съ тѣмъ
условіемъ, что вы не будете
дѣлать ни одного вопроса, и что
сохранивте навсегда выпайнѣ все
видѣнное и слышанное вами.,
Мы даемъ въ томъ честное сло-
во.—Я вѣрю вамъ: теперь поз-
вольте завязать себѣ глаза.,—
Какъ! — Пожалуйте положи-
тесь на меня, такъ какъ я на
васъ полагаюсь., — Хорошо,
сказалъ Сиръ Карлъ, взглянувъ
на своего шоварища; мы на все
согласны, только съ тѣмъ,
чтобъ насъ не разлучали. —,
Этого и не будешь, а если
вы такъ недовѣрчивы, то мо-
жете взять свое оружіе.—

Сирѣ Карлѣ и товарищѣ его говорили, что это не нужно; однако рыбаки ихъ къ тому принудили, примолвивъ: „возьмите другъ друга за руку, чтобъ вамъ не разлучиться; послѣ чего завязалъ имъ глаза. Тутъ услышали они опять стукъ и пошомъ отворилась дверь; но путешественники узнали, что это была не та, въ которую они вошли. Вскорѣ хижина наполнилась множествомъ людей и рыбаки сказали: „ведите.„—Тогда Сирѣ Карлѣ и товарищѣ его почувствовали, что ихъ взяли тихо за руки и повели впередъ, говоря, чтобъ нагибались. Черезъ нѣсколько времени имъ велѣли поднять головы, и они продолжали идти, слыша стукъ множества дверей, которыя отворялись и затворялись од-

на за другою. Наконецъ имѣ сказали, что передъ ними три ступени вверхъ, на которыя ихъ взвели, и проведя еще нѣсколько, посадили на мѣсто; вскорѣ раздалась прекрасная музыка и глаза ихъ тотчасъ развязали.

Какъ удивились путешественники, когда увидѣли, что находятся въ великолѣпной залѣ, гдѣ золото со всѣхъ сторонъ блистало! Мраморные столбы поддерживали сводъ, украшенный превосходною живописью, а вверху были хоры, гдѣ играли музыканты. Двадцать чешыре хрустальные люстры, въ коихъ было множество свѣчей, разливали чрезвычайной свѣтъ. Въ срединѣ стоялъ накрытый столъ съ лучшими блюдами: въ каждомъ углу была

золотая ваза, въ которой курились ароматы. Сирѣ Карлъ и товарищъ его не могли еще пришии въ себя оиѣ удивленія, какъ увидѣли десять Негровъ въ Азіятскомъ платьѣ, которые шли передъ спарикомъ, богато одѣтымъ; но они еще болѣе удивились, когда узнали въ немъ рыбака. За нимъ шелъ молодой мущина, одѣтый также богато, и велъ молодую прекрасную дѣвушку, которая блескомъ красоты зашмѣвала всѣ свои украшенія.

Сирѣ Карлъ глядѣлъ на нее съ восхищеніемъ и чувствовалъ въ первый разъ силу любовнаго пламени. Вдругъ онъ бросается въ объятія того, кто велъ прекрасную. Товарищъ Сирѣ Карла крайне удивился сему поступку; спарикъ осмѣ-

новился; молодая красавица опшупила назадъ, и всѣ смошрѣли на него съ изумленіемъ, какъ вдругъ онъ вскричалъ; „ Гюпнеръ, мой любезный Гюпнеръ! наконецъ я шебя вижу! — Капитанъ съ своей стороны обнималъ Сиръ Карла съ безмѣрною радостію; наконецъ, представляя его спарикку, гогорилъ: „ бапюшка, вонъ шотъ другъ, кошорой, скрывшись нечаянно, причинилъ мнѣ много горести!... Какъ, сказалъ спарикъ, это шотъ самой другъ, съ кошорымъ ты распался въ Плимушѣ? Я весьма радъ, что вижу васъ вмѣстѣ: ваше удовольствіе еспь собшвенное мое услажденіе. Доброй старикъ, лаская Сиръ Карла, спарался доказать ему свое чшпосердечіе; но видя, чшо онъ забывалъ своего

поварища, которой въ молчаніи смотрѣлъ на эту прогашельную карпину, немедленно къ нему подошелъ и началъ съ нимъ говорить.

Гюпнеръ, пользуясь симъ временемъ, спрашивалъ у Сиръ Карла о сеспрѣ его; но онъ вмѣсто отвѣта вздохнулъ и опустилъ глаза въ землю. „Ты молчишь, сказалъ поблѣднѣвшій Гюпнеръ; не уже ли жизнь сеспры твоей. . . . Успокойся, отвѣчалъ Сиръ Карлъ, она еще жива; но ахъ! я съ нею разлученъ, и вотъ причина моей горести. Ты узнаешь ошъ меня всѣ несчастія, которыя я прешерпѣлъ по разлукѣ съ тобою. — Ахъ, другъ мой! прервалъ Каишанъ: придетъ ли время, что мы не будемъ уже разлучаться? — Оставьте мрач-

ныя мысли, сказалъ подошедшій старикъ, и наслаждайся удовольствіемъ быть вмѣстѣ; я надѣюсь, что любезные мои гости не такъ скоро отъ меня поѣдутъ; а между тѣмъ намъ не должно забывать ужина.

Старикъ посадилъ незнакомца подлѣ себя; а Гюпнеръ посадилъ Сиръ Карла между собою и дѣвицею, которую онъ привелъ, и сказалъ ей: „я надѣюсь, любезная сестра, что по любви ипвоей ко мнѣ ты не оставишь безъ вниманія друга моего. Ты знаешь, отвѣчала она, покраснѣвъ и улыбнувшись, что Шарлотта всегда гонова угождаешь своему брату. Сиръ Карлъ изъяснялъ ей свое удовольствіе, что имѣлъ честь узнать сестру своего друга, а сердце его благодарилъ

ло шайно Гюшнера за то, что онъ посадилъ его подлѣ нее.

Видѣ этой прекрасной особы плѣнилъ его совершенно; Гюшнеръ вскорѣ это замѣшилъ, а Шарлопа немедленно угадала. Часто взоры ея встрѣчались со взорами Сиръ Карла, и она мгновенно краснѣла и смущалась. Гюшнеръ раздѣлялъ восхищеніе своего друга; надежда увидѣть Женни возвращала душѣ его спокойствіе и тихую радость. Нѣсколько разъ умножалъ онъ замѣшательство Сиръ Карла и сестры своей; коварными шутками разжигалъ онъ пламень, пылающій въ сердцахъ ихъ.

Наконецъ ужинъ кончился; Сиръ Карлъ извлеченъ былъ изъ своего забвенія разговоромъ сво-

его поварища съ опцемъ Гюп-
нера. Желая короче узнать сво-
его избавителя и причину, по
которой онъ заслужилъ нена-
висть шого человекѣ, которой
искалъ его гибели, также
услышавъ чтонибудь объ ужас-
номъ жилищѣ, гдѣ онъ оста-
вилъ сеспру свою, Сиръ Карлъ
сказалъ незнакомцу: „Государь
мой! я обязанъ вамъ жизнью, и
никакъ не въ силахъ за сіе воз-
дать; но я весьма доволенъ, что
могу также быть вамъ поле-
зенъ: вы имѣете непріятелей, и
непріятелей сильныхъ в.

Чѣмъ заслужилъ я ихъ нена-
висть?— „Я этого не знаю; но
жизнь ваша въ опасности., — Ка-
кимъ образомъ дошло до васъ объ
этомъ свѣдѣніе — и почему вы ме-
ня теперь узнали? Мы извѣстны
намѣренія вашихъ непріятелей,

не не имѣя чести васъ знать, я имѣю нужду въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ, дабы обратись противъ нихъ ударъ, которой они вамъ гошовають; и такъ прошу васъ сказать мнѣ причину ихъ злобы? — Это можетъ наскучить любезнымъ нашимъ хозяевамъ; но когда мы будемъ одни, по... — „Нѣтъ, нѣтъ,“ сказалъ старикъ, говорите: мы будемъ слушать васъ съ истиннымъ участіемъ и удовольствіемъ., — И такъ, удовлетворяя вашему желанію, я расскажу вамъ свою исторію, и вы увидите, долженъ ли я былъ когда нибудь спыдисься своихъ поступковъ. Имя мое Эдуардъ Келли... Опець мой! — вскричалъ Сиръ Карлъ, бросаясь къ ногамъ его. . . — Чшо я слышу? Какъ! вы Сиръ Карлъ Кел-

ли! — „Такъ, сынъ вашъ у ногъ вашихъ.“ — О пріятнѣйшая минута! . . Эдуардъ Келли обнималъ Сиръ Карла, которой проливалъ слезы: ужасныя мысли объ участи, грозившей отцу его, нарушали его удовольствіе. Нѣсколько несвязныхъ словъ вырываются изъ устъ его и въ глазахъ его видно удовольствіе, смѣшенное съ живою горестію.

Гюшнеръ, сестра его и отецъ смотрѣли съ нѣжнымъ участіемъ на эту прогапельную картину; природа сильно дѣйствовала на сердце старика: слезы умиленія текутъ изъ глазъ его, и по невольному движенію онъ простираетъ руки свои къ дѣтямъ, которыя бросаются съ восхищеніемъ въ его объятія.

Келли былъ внѣ себя отъ ра-

доспи , глядя на своего сына ; но наконецъ онъ огорчился нѣсвязными его словами. Преодолевъ свой воспоргъ , онъ старался успокоить волненіе Сирь Карла , которой не выходилъ изъ его объятій. Слезы его текли ручьями , и казалось , что ласки отца еще болѣе ихъ извлекали. Ахъ ! несчастной Сирь Карлъ вспоминалъ съ ужасомъ о данной имъ клятвѣ ; онъ опасался , что не взирая на всѣ свои усилія , не будетъ въ состояніи отвратить удара , который грозилъ отцу его : сія ужасная мысль приводила его въ пренешъ и смущеніе изображалось на лицѣ его .

Однако ласки родителя , разговоръ друга и видъ Шарлоты , которая , казалось , брала въ немъ участіе , нѣсколько его

успокоили. Наконецъ, когда онъ совершенно пришелъ въ себя, то просилъ отца своего открыть ему причину злобы жестокихъ его непріятелей. „Скажите мнѣ все немедленно,“ говорилъ онъ: „опасность вашей жизни и сестры моей отъ того зависяетъ.—Какъ! вскричалъ Келли! я долженъ опасаться еще новыхъ бѣдствій!.. И какъ узнай истинорію своего отца, и суди, естьли судьба или злоба людей могутъ еще умножить его горести!“

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Исторія Эдуарда Келли.

Какъ скоро я кончилъ мои науки, говорилъ Милордъ Кел-

ли, то отецъ мой взялъ меня въ свой замокъ, находившійся въ Герцогствѣ Ланкастерскомъ, гдѣ онъ жилъ съ моею сестрою. Тамъ провелъ я около двухъ лѣтъ въ щастливой безпечно-сти, и достигъ двадцать пер-ваго года, не испытавъ еще пріятностей и горестей любви; но время уже пришло, въ которое я долженъ былъ узнать ее со всѣми ея прелестями и мученіемъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ находился замокъ Милорда Камбеля, члена верхняго Парламента. Отецъ мой не былъ коротко знакомъ съ симъ Лордомъ, которой жилъ въ своемъ замкѣ только лѣтомъ. Тогда многочисленное обще-ство, упомненное городскими веселостями, пріѣзжало раздѣ-

лять съ нимъ деревенскія удовольствія.

Будучи однажды на охотѣ въ сосѣдственномъ лѣсу, я услышалъ звукъ роговъ и лай собакъ, по чему узналъ, что Милордъ Камбель былъ въ одномъ со мною мѣстѣ. Не желая бытъ между множествомъ незнакомыхъ мнѣ людей, я выѣхалъ изъ лѣсу и сѣлъ подѣ шѣнію вяза, находившагося на берегу Лона. Я вкушалъ тамъ сладкое отдохновеніе, между шѣмъ какъ дневное свѣпило клонилось къ западу; казалось, что небесный сводъ пылалъ отъ послѣднихъ лучей его, которые блистали въ прозрачной рѣкѣ, колеблемой тихимъ вѣтромъ. Вдругъ раздался пронизательной крикъ; я оглянулся и увидѣлъ скачущую лошадь,

которая несла прямо къ рѣкѣ молодую дѣвицу, одѣтую въ бѣлое Амазонское платье; я бросился къ ней на вспрѣчу; она хотѣла скочить; но по несчастію нога ея осталась въ сѣремѣ: она повисла и дошадь тащила ее въ такомъ положеніи. Я не видѣлъ другаго средства избавить ее, какъ убить изъ пистолета бѣшеное животное, что мнѣ и удалось, ибо пуля попала въ голову. Тогда подошелъ я поднять незнакомку, которая была въ безпамятствѣ. Не взирая на смертную ея бѣдность, я былъ восхищенъ ея красою, и содрогнулся, когда увидѣлъ, что руки ея были въ крови. Я принесъ немедленно въ шляпѣ воды и далъ ей нѣсколько выпить, послѣ чего цвѣтъ ея ожи-

вился. Я глядѣлъ на нее съ умилениемъ, какъ толпа охопниковъ, привлеченная ея крикомъ, выѣхала на край лѣса и поскакала къ намъ.

Между ними былъ Милордъ Камбель; онъ оспановился съ ужасомъ, когда увидѣлъ убитую лошадь и дочь свою въ безпамятствѣ, поддерживаемую молодымъ человекомъ, которой подавалъ ей помощь. Скочивъ съ лошади, онъ вскричалъ опчаяннымъ голосомъ: „Боже мой! . . . Полина! . . . Ради Бога, государь мой! объясните . . . Я немедленно рассказалъ ему угрожающую опасность его дочери и щасливый случай, какимъ ее избавилъ.

Едва успѣлъ я кончить, какъ Милордъ бросился обнимать меня, и ласкою своею извѣялъ

мнѣ свою благодарность и привязанность къ своей дочери.

Между шѣмъ Полина пришла въ себя; нѣжная бѣлизна и алый цвѣтъ розы заступили на ея лицѣ мѣсто смертной блѣдности; томные глаза изъясляли мнѣ ея признапельность. Наконецъ подали карету, въ которую ее посадили, и отецъ ее звалъ меня въ свой замокъ, говоря, что къ чувствамъ благодарности желаетъ прибавить и дружбу. Не взирая на усиленную его прозьбу, я отговорился; однако просилъ у него позволенія прѣхать на другой день освѣдомиться о здоровьѣ его дочери; на что онъ охотно согласился, и обнявъ меня еще разъ, удалился съ своею свихою.

Послѣ отъѣзда Полины я

почувствовалъ сильное впечатлѣніе, которое прелестіи ея сдѣлали на мое сердце. Я былъ въ опчаяніи, что не согласился на предложеніе ея отца; ожидалъ съ нетерпѣніемъ завтрашняго дня, и сутки казались мнѣ цѣлою вѣчностію.

Думая безпрестанно о Полинѣ, я возвратился къ своему отцу и разсказалъ ему все происшедшее, говоря, что вѣжливостъ требовала послать къ Милорду Камбелю, узнать о здоровьѣ его дочери. Не подозрѣвая истинной причины, которая побуждала меня къ сему совѣшу, отецъ мой хотѣлъ отправить своего камердинера, какъ мы слышали спухъ кареты; вскорѣ вошелъ Милордъ Камбель. „Любезный сосѣдъ, сказалъ онъ, прошу васъ удо-

стойте меня своею дружбою; сынъ вашъ спасъ жизнь моей дочери, и я не въ силахъ возблагодарить его за такую услугу; но будьте увѣрены, что я радъ жертвованью всѣмъ для его щасшя. Милордъ! ошвѣчалъ опецъ мой, я съ удовольствіемъ принимаю вашу дружбу: она для меня драгоцѣнна; но позволите мнѣ опказатья опъ всякаго другаго знака признательности вашей моему сыну. Я живу съ нимъ щасливо, и чесполубіе никогда не побуждало меня съ нимъ разстаться. „Ахъ, вскричалъ Милордъ Камбель, какъ много нѣжная ваша любовь увеличиваетъ мое къ вамъ почтеніе: эта взаимная привязанность есть изображеніе моей связи съ дочерью. Друзья мои! я чувствую, что

ваше знакомство необходимо для моего сердца; ему не доспавало сего наслажденія, и я увѣренъ, что вы мнѣ его не откажете.

Отецъ мой, пронутый искреннимъ привѣтствіемъ Милорда Камбея, бросился въ его объятія; я также изъявлялъ ему желаніе заслужить любовь его, и вскорѣ дружба наша спала неразрывна. Онъ звалъ отца моего въ свой замокъ, чтобъ умножить удовольствіе всего общества, которое тамъ находилось. Отецъ мой долго не соглашался оставить мирное свое жилище, и я опасался, чтобъ онъ не настоялъ въ своемъ отказѣ; я чувствовалъ, что свиданіе съ Полиною сдѣлалось потребностію моего сердца. Но наконецъ онъ уступилъ

усильной прозьбѣ Милорда Камбея и мы побѣхали.

Вскорѣ приѣхали мы въ его замокъ, гдѣ все общество приняло насъ благосклонно; ибо всѣ любили Полину. Однако одинъ молодой человекъ, спашной и высокаго роста, былъ къ намъ очень холоденъ; на смугломъ лицѣ его и въ глазахъ была написана какая-то суровость. Я узналъ, что онъ назывался Перкинсъ. . . „Перкинсъ! вскричалъ Сиръ Карлъ, прервавъ исторію оца своего: знайше, баблюшка, что самой эштоу злодѣй и шеперь васъ преслѣдуешъ!., — Что ты говоришь, сынъ мой! почему ты эшо знаешь? — Ради Бога, продолжайте: я предвижу ужасы, которые послѣдствіе покажетъ. — Милордъ Келли взгля-

нулъ съ удивленіемъ на Сирѣ Карла и продолжалъ свою испорію.

Легко можно было примѣшпшь, что эптопъ Перкинсъ былъ недоволенъ нашимъ пріѣздомъ; онъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на ласки, которыя оказывалъ мнѣ Милордъ Камбель, и съ досадою слушалъ, когда дѣлали мнѣ привѣтствія за избавленіе Полины.

Милордъ повелъ меня въ комнату своей дочери; она лежала еще въ постелѣ, но была уже въ опасности; слабостъ ея придавала ей еще болѣе красоны. Я подошелъ къ ней съ робостію и проболпалъ нѣсколько словъ, на которыя Полина опвѣчала съ замѣшательствомъ.

Мы жили цѣлой мѣсяцъ въ

замкѣ Милорда Камбеля. Не-
щастіе, приключившееся его
дочери, подало поводъ къ пра-
зднествамъ, коихъ она была
предметомъ, и гдѣ я игралъ пер-
вую роль. Въ продолженіе сего
времени осмѣлился я признаться
Полинѣ въ своей снраспи,
и узналъ также отъ нее, что
и она ко мнѣ равнодушна.

Чѣмъ тѣснѣе становилась
связь моя съ Полиною, тѣмъ
суровѣе былъ Перкинсъ; но я
смотрѣлъ на это равнодушно:
любовь къ Полинѣ занимала
единственно сердце мое и мы-
сли. Однако мнѣ бы должно
было опасаться такого сопер-
ника, каковъ былъ Перкинсъ.
Будучи сынъ одного изъ бога-
тѣйшихъ колонистовъ свѣр-
ной Америки, онъ сдѣлался
въ молодыхъ лѣтахъ власпе-

линомъ великаго имущества : необузданная снрассть къ удовольствіямъ и удобность ими наслаждашься испорнили умъ его и сердце. Онь пріѣхаль въ Англію за наслѣдствомъ послѣ тетки, и присоединивъ его къ имѣнію, доспавшемся ему послѣ отца, сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ государствѣ.

Такъ какъ Милордъ Камбель имѣлъ въ Америкѣ земли, шо по сему Перкинсъ нашель случай съ нимъ познакомиться. Полина съ перваго взгляда плѣнила его сердце. Полагая, что по богатству своему легко получитьъ руку сей прекрасной дѣвушки , онъ открылся Милорду, которой дѣйствиельно не ошказаль ему ; однако сказалъ , что не будетъ принуж-

дать своей дочери и никогда не выдасяъ ее замужъ прошивъ воли. Перкинсъ думалъ по надменности своей, что Полина не можетъ быть къ нему равнодушна; онъ спарался быть безпрестанно при ней, говорилъ ей о любви своей и скоромъ супружесивъ; но она смотрѣла на него съ отвращеніемъ и всегда убѣгала его бесѣды.

Таково было положеніе Перкинса, когда несчастіе Полины меня съ нею познакомило. Благосклонность, которую она мнѣ оказывала, не могла укрыться отъ пронизательности моего соперника: она возбудила его ревность. Въ восхищенныхъ нашихъ взорахъ онъ ясно видѣлъ взаимную нашу склонность.

Полина, зная, что отецъ ея хошѣлъ всегда ея благополучія,

открыла ему свои чувства, и призналась, что единственно со мною можешь быть счастлива. Доброй шарикъ сей, нима-ло не упрекая насъ спрастию, которая можеть быть распро-ивала планъ его, обнялъ насъ и сказалъ съ нѣжностію: „люб-безныя дѣти мои! я давно уже примѣтилъ взаимную вашу склонность; я одобряю ее и она мнѣ тѣмъ пріятнѣе, что вы сами мнѣ открываетесь. Знайте, что я давно желалъ соединить васъ: нѣжная привязанность Ми-лорда Келли къ сыну его, и почтительная любовь, которую сей послѣдній оказываетъ къ своему родителю, меня къ тому побудили. Ты будешь съ нимъ счастлива, милая Полина: доброй сынъ будешь всегда добрымъ супругомъ. — Потомъ

взявъ меня за руку, говорилъ мнѣ: „другъ мой! я вручаю тебѣ дочь мою; сдѣлай ее благополучною, и я буду спокоенъ. — Тутъ мы упали къ ногамъ Милорда. „Что вы дѣлаете? вскричалъ онъ; вспаньте и обнимите меня. Любовь моя къ вамъ никогда не изгладится изъ моего сердца.

Опецъ мой, которому я открылся въ любви своей къ Полинѣ, былъ очень обрадованъ, когда узналъ, что Милордъ соглашался выдать за меня дочь свою: вскорѣ слухъ сей разнесся въ замкъ и всѣ съ удовольствіемъ меня поздравляли.

Но Перкинсъ, услышавъ объ этомъ, пришелъ въ бѣшенство; онъ велѣлъ немедленно осѣдлать своихъ лошадей и уѣхать проклиная любовь.

Полина была очень довольна его отвѣдомъ; она опасалась пылкаго его характера; я самъ радовался, что избавился сего соперника, и думалъ, что никогда уже объ немъ не услышу; но на другой день поутру получилъ отъ него записку слѣдующаго содержанія:

„Меня не такъ легко обидѣшь,
 „какъ ты думалъ — Я хочу
 „омыть своею кровію причи-
 „ненное мнѣ тобою оскорбле-
 „ніе. Я ожидаю тебя на берегу
 „Лона, въ самомъ томъ мѣстѣ,
 „гдѣ щастіе было тебѣ такъ бла-
 „гопріятно: мы увидимъ, такъ ли
 „ты удачно отдѣлался поеди-
 „нка, кою которой должно кончить-
 „ся смертію одного изъ насъ.„

Перкинсъ.

Я спѣшилъ одѣться, желая скорѣе наказать Перкинса за

его дерзость; но не хотѣлъ открыть причины своего выѣзда. Я взялъ съ собою одного своего камердинера, коимъ былъ очень хорошій человекъ и мнѣ совершенно преданъ. Жаксонъ благодарилъ меня за мою довѣренность, которая умножала его природное мужество; мы немедленно отправились, взявъ по шпагѣ и по парѣ пистоле-товъ.

Вскорѣ пріѣхали мы къ концу лѣса, гдѣ Перкинсъ меня дожидался. Я привязалъ свою лошадь къ дереву, сказавъ Жаксону, чтобъ онъ тушь остановился; потомъ взявъ шпагу, пошелъ къ своему сопернику, которой былъ уже во всей готовности.

Я былъ отъ него шагахъ въ десяти, какъ онъ выхватилъ

изъ кармана пистолетъ и выстрѣлилъ въ сторону: вдругъ шесть человекъ выскочили изъ лѣсу съ саблями и шпагами и бросились ко мнѣ; храброй Жаксонъ догадавшись, что это была измѣна со стороны Перкинса, прибѣжалъ ко мнѣ на помощь. Какъ скоро онъ сталъ на мѣсто, то выстрѣлилъ въ Перкинса; пуля попала ему въ бокъ, и онъ упалъ на землю. Убійцы, почтивъ мерпвымъ своего начальника, остановились и были нѣсколько времени въ нерѣшимости; но Перкинсъ приподнявшись, кричалъ имъ, чѣмъ они исполняли его приказаніе. Тогда сіи бездѣльники напали на насъ съ жестокостію.

Я и Жаксонъ, выстрѣливъ изъ пистолетовъ, положили на мѣстѣ двухъ самыхъ дерзкихъ.

остальные четверо, испуганные смертию своихъ сообщниковъ, нападали на насъ не съ такимъ уже усиленіемъ; но между тѣмъ Перкинсъ вспалъ и даже сблъ на лошадь. Сей извергъ оживилъ предприимчивость нашихъ убійцъ ужаснымъ своимъ крикомъ; они устремили всѣ удары на меня, и не взирая на храбрость Жаксона, которой закрывалъ меня собою, я получилъ три раны и упалъ къ ногамъ его; онъ продолжалъ защищать меня, не взирая на то, что кровь лилась изъ ранъ его. Перкинсъ, видя меня въ семъ ужасномъ положеніи, вскричалъ отъ радости и казалось, что крикъ сей удвоилъ силы гнусныхъ злодѣевъ; но вдругъ они насъ оставили, и бросясь въ рѣку, переплыли на другую сто-

рсну; самъ Перкинсъ немедленно скрылся.

Мы не понимали причины сего побѣга, какъ увидѣли Милорда Камбеля со множествомъ слугъ. Послѣ отъѣзда моего онъ вошелъ въ мою комнату и увидѣлъ раскрытое письмо Перкинса, которое я тамъ забылъ. Узнавъ причину моего отсутствія, онъ сѣлъ немедленно на лошадь и поскакалъ къ намъ на помощь: приближеніе его понудило убійцъ нашихъ удалиться.

Меня отвезли въ замокъ, и чувствительная Полина пришла въ опчаяніе, когда увидѣла, что я былъ почти безъ чувствъ. Однако лѣкарь осмоирѣлъ мои раны и объявилъ, что онѣ были не смертельны, и что одна

потеря крови была причиною моей слабости.

Всѣ ласкали добраго Жаксона и хвалили его мужество : Полина хотѣла дать ему награжденіе, но онѣ ничего не принялъ. „Я знаю сердце своего господина, говорилъ онѣ, и увѣренъ, что въ печеніе моей жизни ни въ чемъ нуждашся не буду., — Благодарность обязала меня быть другомъ сего вѣрнаго служителя, которой клялся мнѣ въ вѣчной преданности.

Черезъ двѣ недѣли раны мои зажили и я спалъ крѣпокъ по прежнему. Во все это время Лордъ Камбель и отецъ мой не оставляли моей комнаты ; нѣжная Полина приходила также ко мнѣ довольно часто ; а Жаксонѣ

сидя подлѣ кровати моей, замѣчалъ малѣйшее мое движеніе; однимъ словомъ, дружба, природа и любовь были вѣрными моими поварницами въ продолженіе моей болѣзни. Славный праздникъ послѣдовалъ за моимъ выздоровленіемъ, на котораго Милордъ Камбель объявилъ, что черезъ недѣлю соединитъ меня съ своею дочерью.

Я былъ внѣ себя отъ радости: Полина была также очень довольна, но скромность обязывала ее скрывать свои чувства. Ахъ, какъ медленно шло для меня время! Однако между тѣмъ приближался благополучный день и Полина, видя, что все благопріятствовало нашему счастью, не скрывала уже своего удовольствія. На-

конецъ настала самая продолжительная ночь! Я никакъ не могъ уснуть, но видѣлъ сны прелестные; они исчезли съ солнечнымъ восхожденіемъ, и я, оставя обманчивую мечту, спѣшилъ къ существенности.

Упоенный любовію и восхищеніемъ я пошелъ немедленно въ комнату Полины; но къ крайнему моему удивленію не нашелъ ее; тщетно искали ее повсюду, тщетно звали ее; она не откликнулась. Вскорѣ узнали, что и Жаксона не было дома: никто не понималъ страннаго сего приключенія. Милордъ Камбель и отецъ мой были въ опчаяніи; я не буду говорить о своемъ ужасномъ положеніи; ибо какъ описать то, что я чувствовалъ, лишась обожаемаго мною предмета? Ос-

лѣпленный горестію и бѣшенствомъ, я возвратился въ свою комнату и схвативъ пистолетъ, готовъ былъ кончить свое мученіе, какъ вбѣжалъ Милордъ Камбель и удержалъ мою руку. „Что ты дѣлаешь, любезной Келли! вскричалъ почтенный сей старикъ; отчаяніе помрачаетъ твой разумъ. Развѣ хочешь ты оставить меня безъ надежды и утѣшенія? развѣ ты забылъ, что ты обязанъ искать Полину? Она безъ сомнѣнія похищена вѣроломнымъ Перкинсомъ—спѣши къ ней на помощь, освободи ее изъ рукъ злобныхъ ея похищителей; береги пистолетъ сей, чтобъ опмститься за нее и не будь гнуснымъ самоубійцею! — Такъ, отвѣчалъ я, извергъ, которой похищилъ

у меня Полину, падешь отъ руки моей; но, ахъ, гдѣ найпи его?—Знай, сказалъ Милордъ, что и Жаксонъ скрылся съ моею дочерью; я опасуюсь, чтобъ сей невѣрной служитель., . . . — Не обвиняйте Жаксона, прервалъ я: онъ вѣрно не участвовалъ въ семъ похищеніи.—, Однако его опсупствіе— Оно меня удивляетъ, но я не могу. . .

Едва успѣлъ я выговорить слова сіи, какъ радостные крики раздались на дворѣ; я бросился къ окошку и увидѣлъ карешу, окруженную чешырьмя челоуѣками верьхомъ; Жаксонъ былъ кучеромъ. Вскорѣ отворились дверцы и я увидѣлъ, что изъ нее вышла женщина; какъ описашь мои чувства, когда я узналъ, что эшо была

Полина! Я побѣждалъ съ восхищеніемъ къ ней на вспрѣчу, схватилъ ее на руки и принесъ въ комнату. Какъ скоро я пришелъ нѣсколько въ себя, то спрашивалъ ее о семъ странномъ приключеніи, и вопль что она намъ сказала: „такъ какъ горничная моя дѣвушка очень успала отъ разныхъ приуготовленій къ нынѣшнему дню, то я послала ее спать. Пономъ посидѣвъ нѣсколько времени у окошка, я хотѣла раздѣваться, какъ вдругъ вошелъ ко мнѣ Криць. Удивляясь странному сему посѣщенію, я думала, что онъ присланъ отъ бабушки, и хотѣла спросить, что ему надо; но онъ немедленно бросился ко мнѣ и завязалъ плащкомъ ротъ такъ крѣпко, что

я никакъ не могла кричать. Тушь лишилась я силъ, и когда уже опомнилась, то увидѣла, что сидѣла въ каретѣ, которая ѣхала съ чрезмѣрною скоростію; наконецъ въ пять часовъ утра услышала я pistolные выстрѣлы; послѣ чего вскорѣ Жаксонъ отворилъ дверцы кареты и извѣявилъ мнѣ свое удовольствіе, что могъ меня избавить: слѣдственно онъ только можетъ объяснить вамъ тайну сего похищенія.,—

Я отчасти виновата во всемъ происшедшемъ (говорилъ Жаксонъ); но признаюсь въ винѣ своей, которая состояла въ томъ, что не открылъ вамъ своихъ подозрѣній объ этомъ адскомъ умыслѣ. Вчера въ восемь часовъ вечера гулялъ я въ лѣсу, думая о небольшомъ

праздникѣ, которой я хотѣлъ сдѣлать для свадьбы Мисъ Полины и моего господина, какъ вдругъ услышалъ голосъ двухъ людей, говорящихъ неподалеку отъ меня; они произносили имя Мисъ и это возбудило мое вниманіе; я подкрался къ нимъ и увидѣлъ сквозь листья Крица, одного изъ служившей Милорда Камбея, говорящаго съ жаромъ съ камердинеромъ вѣроломнаго Перкинса. Точно ли ты надѣешься исполнить свое предпріятіе? говорилъ камердинеръ. — Такъ какъ нельзя болѣе, отвѣчалъ Крицъ. — Ключъ у тебя? — Въ шъ онъ. — Хорошо; будь увѣренъ, что господинъ мой наградишь тебя весьма щедро. — Я въ шомъ увѣренъ. — Однако, чтобъ не подашь подозрѣнія, по возвращись въ за-

мокъ. — Да, это правда, и такъ проспи. — Помни же, что въ часъ по полуночи, подлѣ калишки парка. — Въ часъ непременно, прощай! — Тутъ Крицъ пошелъ въ замокъ, а служитель Перкинса скрылся въ густотѣ лѣса.

Удивляясь сему разговору, котораго я не могъ понять, и подозрѣвая какое-нибудь преступное намѣреніе, я рѣшился узнать сію тайну и разспрошавъ планъ сихъ бездѣльниковъ. Въ часъ я взялъ пистолеты и прошелъ широчкой къ калишкѣ, которая была отворена; шумъ стояла карета съ кучеромъ и двумя человекѣми верхомъ, которые держали еще двухъ осѣдланыхъ лошадей. Едва усидѣвъ я это разсмотрѣвъ, какъ услышалъ неболь-

шой шумъ въ паркѣ; я топчасъ скрылся въ кусты и вскорѣ увидѣлъ, что два человека въ епанчахъ несли на рукахъ женщину. Я не могъ разсмотрѣть ея лица, но по плащю узналъ, что это была Мисъ Полина; я очень раскаивался, что не далъ знать въ замкѣ о своемъ открытіи. Съ одного изъ нихъ спала епанча, и я узналъ негоднаго Крица; я готовъ былъ въ него выстрѣлить, но почувствовалъ, что смерть его не избавитъ Мисъ; ибо ихъ осталось бы еще четверо противъ меня. Я не могу описать вамъ моей горести, когда они вышли изъ парка; но вдругъ пришла мнѣ въ голову странная мысль: я вышелъ изъ кустовъ, схватилъ Крицову епанчу и завернувшись

въ нее, спрятался за калишку, полагая, что онъ за нею воропится. Я не ошибся въ своемъ мнѣнїи; ибо онъ дѣйстви-тельно скоро воропился и искалъ ее ощупью, потому что луна скрылась за облака. Тогда я выскочилъ изъ парка и заперъ калишку. Бездѣльники дожидались своего сообщника и одинъ изъ нихъ, обмануемый моею епанчею, опдалъ мнѣ лошадь, которую онъ держалъ; я потчасъ на нее сѣлъ и мы немедленно поскакали съ карепою.

Не взирая на удачной мой обманъ, я былъ въ крайнемъ безпокойствѣ; я не зналъ, куда везли Полину, и можно ли будетъ найти на дорогѣ защиту прошивъ ея похитителей; также какимъ образомъ воз-

вращишься мнѣ въ замокъ, естѣ-
ли мы никого не встрѣшимъ
до мѣста. Черезъ три часа мы
перемѣнили лошадей и ѣхали
съ такою же скоростію.

Между тѣмъ начинало раз-
свѣпать и я старался закры-
вать лицо свое; наконецъ око-
ло пяти часовъ утра пробѣ-
жали мы небольшую деревню,
и не видя никого, я приходилъ
уже въ отчаяніе, какъ вдругъ
поворошивъ въ сторону, встрѣ-
тили мы четырехъ чело-
вѣкъ, ѣдущихъ верхомъ. Я
топчасъ вскричалъ: „кто бы
вы ни были, помогите мнѣ из-
бавить молодую дѣвицу, кошо-
рую гнусные бездѣльники по-
хищили у ея родственниковъ.“

Сообщники Перкинса, пора-
женные удивленіемъ, услышавъ
незнакомой голосъ, кричали ку-

черу, чтобъ онъ погонялъ лошадей; однако незнакомцы, у которыхъ я просилъ помощи, присоединились ко мнѣ, и мы погнались за бездѣльниками. Я убилъ кучера пистолетнымъ выстрѣломъ; а камердинеръ Перкинса имѣлъ ту же участь отъ руки одного изъ нашихъ защитниковъ: осмальные два злодѣя поскакали въ сторону. Тутъ я немедленно бросился къ каретѣ, и отворивъ дверцы, спарался успокоить Мисъ Камбель. Избавивши ее, бѣжавшіе на охоту, имѣли снисхожденіе проводить ее до здѣшняго мѣста, и вотъ тѣ великодушные люди, которые доставили вамъ щастіе видѣть опять Мисъ Полину.

Какъ скоро Жаксонъ переспалъ говорить, то я бросилъ

ся обнимать его. Мы изъявляли также нашу благодарность симъ четверымъ незнакомцамъ, которымъ я былъ обязанъ болѣе, нежели собственною моею жизнію. Они согласились пробыть у насъ нѣсколько времени, и присутствіе ихъ умножило удовольствіе моей свадьбы, которая совершена была на другой день.

Вскорѣ другой бракъ послѣдовалъ за нашимъ: Сиръ Георгій Андерсонъ, одинъ изъ избавителей моей супруги, влюбился въ сестру мою; онъ также ей понравился, и какъ взаимная спрость сія не была противна ихъ родителямъ, по они и были вскорѣ соединены священными узами.

Спустя нѣсколько времени Милордъ Камбель былъ назна-

ченъ Губернапоромъ въ Ямайку. Беременность жены моей и болѣзнь отца моего не позволили намъ съ нимъ ѣхать; мы распались съ нимъ съ крайнимъ огорченіемъ; и я упѣшался надеждою бытъ скоро опцемъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вкусилъ я это сладкое удовольствіе: Полина родила Сиръ Карла, а черезъ шесть лѣтъ рожденіе Женни довершило наше благополучіе. Наконецъ прошекли двенадцать лѣтъ въ мирномъ спокойствіи, которое было только нарушено похищеніемъ сына моего, чему былъ также виновникомъ злобный Перкинсъ; но я опять былъ обязанъ вѣрному Жаксону его возвращеніемъ.

Сиръ Карлу было двенадцать лѣтъ, а Женни шесть, когда

мы получили отъ Милорда Камбеля письмо, въ которомъ онъ звалъ насъ, желая умереть въ объятіяхъ нашихъ. Милые дѣти мои были слишкомъ молоды для того дальнаго путешествія, и я оставя ихъ у своего зятя Сиръ Андерсона, отправился съ женою въ Америку.

Мы благополучно туда прибыли, и Милордъ, почитавшій уже болѣзнь свою неизлѣчимою, былъ такъ обрадованъ нашему прѣзду, что въ скоромъ времени выздоровѣлъ. Неожиданное сіе выздоровленіе было намъ очень пріятно, и мы провели три мѣсяца въ непре-
снанныхъ праздникахъ и веселостяхъ. Они были прерваны моею болѣзнію: ко мнѣ пришла такая сильная оспа, что

я былъ при дверяхъ гроба; однако крѣпкое мое сложеніе меня поддержало, и слѣды ея остались только на лицѣ.,,

Тунъ Сиръ Карлъ понялъ, отъ чего онъ не вдругъ узналъ отца своего по портрету, которой онъ получилъ отъ Перкинса.

Какъ скоро я выздоровѣлъ, продолжалъ Милордъ Келли, то мы хотѣли возвратиться въ Англію; но Милордъ Камбель никакъ не соглашался насъ опустить, и мы принуждены были исполнить его волю. Мы пробыли тамъ восемь лѣтъ, получая часто пріятнѣйшія извѣстія отъ дѣтей нашихъ. Но наконецъ Милордъ опять занемогъ; послѣдній часъ его приближился, и не взирая на все наше вниманіе, онъ умеръ

въ объятіяхъ нашихъ. Ахъ! смерть его была концемъ нашего спокойствія и щастія!

Принявъ во владѣніе имѣніе покойнаго Милорда, я ожидалъ новаго Губернатора, чтобъ возвратиться въ Англію; шесть мой ввѣрилъ мнѣ нѣкоторыя тайны, которыя я долженъ былъ лично сообщить ему. Я жилъ тогда въ загородномъ домѣ въ пятнадцати миляхъ отъ гавани. Тамъ познакомился я съ Нельсономъ, однимъ изъ богатѣйшихъ жипелей колоніи, и котораго земли смежны были съ моими. Нельсонъ былъ человекъ съ рѣдкими достоинствами; одна слабость его была горячность, которая иногда при малѣйшемъ недовольствіи доходила до чрезмѣрности.

Къ нему пришель изъ Гвинеи корабль, на которомъ привезены были Негры; мы побѣхали вмѣстѣ съ нимъ смотрѣшь, какъ будучи ихъ высаживашь на берегъ. Я съ прискорбіемъ думалъ объ участи сихъ несчастныхъ, какъ увидѣлъ, что одного изъ нихъ чепыре мапроза несли на рукахъ. У него не только руки и ноги были скованы, но еще была тяжелая цѣпь поперегъ тѣла. Нельсонъ спросилъ у Капитана, за что поступлено такъ жестоко съ симъ Негромъ, и вотъ что мы услышали: , когда его привезли на корабль, сказалъ Капитанъ, то онъ, скинувъ съ себя желѣза, освободилъ также нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей и взбунтовалъ ихъ противъ экипажа; я усмирилъ ихъ

съ великимъ трудомъ, и такъ какъ онъ былъ начальникъ бунта, то жизнь его сбережена для того, чѣмъ наказанъ его примѣрнымъ образомъ.

Между тѣмъ, какъ Капитанъ говорилъ съ Нельсономъ, я смотрѣлъ на несчастнаго, которой былъ предметомъ ихъ разговора; онъ слушалъ со вниманіемъ; лице его было спокойно и онъ смѣялся съ презрѣніемъ. Какъ скоро Капитанъ кончилъ, то онъ сказалъ Нельсону: „Капитанъ твой говоришь правду?“, Тихой и пріятной его голосъ, пронизательной взглядъ и благородный видъ умножили мое удивленіе. „Что понудило тебя бунтовать противъ властелиновъ твоей жизни? сказалъ Нельсонъ— Властелины жизни! вскричалъ Негръ

съ горячностію: нѣтъ! ты ошибаешься. — Богъ не далъ вамъ этого права. Когда бы ты видѣлъ, что бѣлыхъ беруть въ невольники; то вѣрно бы этому прошивилъ: также и я хотѣлъ защищать свободу подобныхъ мнѣ.

Въ продолженіе этого времени я видѣлъ, что Нельсоново лице воспалялось отъ гнѣва; ослѣпленный горячностію, онъ вскричалъ ужаснымъ голосомъ: „ты желаешь свободы, и ты ее получишь. Капишанъ, велише лишитъ его жизни самымъ мучительнымъ образомъ.“ — Я сочту смерть благодаріемъ, говорилъ негръ: она для меня ни мало не ужасна. Остановись, сказалъ я Нельсону: прости несчастнаго, котораго отчаяніе лишаетъ раз-

судка. „Какъ, прервалъ онъ, могу ли я нелишитьъ жизни невольника, которой будетъ у меня дѣлать безпрестанныя возмущенія и нарушать спокойствіе всей колоніи? Смерть его нужна для общей безопасности. — Ее можно возстановить безъ такой жестокости. — Я вижу только одно средство, прошу тебя взять его къ себѣ; ибо я никакъ не соглашусь оставить его при себѣ охотно. Я увѣренъ, что со временемъ ты по благодаришь меня за то, что я внушилъ тебѣ человѣколюбивое намѣреніе.

Негръ молчалъ и смотрѣлъ на меня спокойно; онъ не показывалъ ни малѣйшаго знака, что дѣло шло объ его жизни. „Дай мнѣ слово, сказалъ я ему, что есшьли возвращу тебѣ съо-

боду; то ты не будешь никому вредить и не спанешь возмущать колоніи., — Тутъ онъ съ свирѣпоспійю взглянулъ на Нельсона, вздохнулъ и оборотась ко мнѣ, сказалъ: ты имѣешь болѣе челоѵколюбія, я тебѣ все обѣщаю. —, Когда захъ, то я возьму тебя въ свой домъ, и буду твоимъ другомъ и ушѣшицедемъ., — Моимъ другомъ! ахъ, возврати мнѣ свободу. — За друга буду я всегда жертвованъ жизнью.

Просиась съ Нельсономъ, я расковалъ несчастнаго Міоко (такъ звали негра) и пошелъ съ нимъ домой. Я рассказалъ свое приключеніе женѣ моей, и она пожелала видѣшь сего необыкновеннаго невольника. Какъ скоро онъ къ намъ вошелъ; то посмопрѣвъ на Полину съ

восхищеніемъ, упалъ къ ногамъ ея; она подняла его, и нѣжнымъ своимъ голосомъ сдѣлала ему самая лестныя привѣшствія. Я говорилъ ему также, что буду любить его, какъ своего сына, и при сихъ словахъ слезы полились изъ глазъ его. Ты будешь опцемъ моимъ, вскричалъ онъ; о! вѣрной сынъ пвой будешь всегда себя достоинъ! Міоко будешь жертвовать себѣ жизнию.

На другой день Нельсонъ далъ намъ на своемъ кораблѣ праздникъ, гдѣ Полина была первымъ украшеніемъ; почти всѣ жипели колоніи находились на немъ съ своими супругами; Міоко и Жаксонъ были также съ нами. Обѣдъ былъ прекрасной: а попомъ послѣдовалъ балъ; наконецъ въ три часа по

полуночи всѣ побѣхали домой, благодаря Нельсона за рѣдкое угощеніе. Гондолы, въ коихъ великолѣпіе равнялось со вкусомъ, отвозили гостей на берегъ. Я сѣлъ въ одну изъ нихъ съ женою, Міоко и Жаксономъ. И какъ скоро мы удалились отъ корабля, то гребцы вмѣсто того, чѣмъ грести къ берегу, поворошили въ опікрытое море. Я спрашивалъ ихъ, что это значило, какъ вдругъ четверо изъ нихъ бросились на насъ съ Полиною. Хотя я не имѣлъ оружія, однако защищалъ жену мою; но вскорѣ я былъ пораженъ двумя кинжалами, и когда упалъ, то убійцы мои кинули меня въ воду.

Тутъ Сиръ Карлъ вскричалъ отъ ужаса и бросился въ объятія отца своего. Милордъ

Келли, пронупый симъ знакомъ привязанности, прѣжалъ его съ умиленіемъ къ сердцу, и потомъ продолжалъ свою исторію:

Когда я пришелъ въ себя; то увидѣлъ, что нахожусь въ рыбацкѣй хижинѣ. Міоко, которой спомалъ подлѣ меня, сказалъ мнѣ, что когда меня кинули въ море; то онъ бросился за мною, и что поддерживая меня долго на водѣ, присталъ наконецъ къ берегу; тогда, положивъ меня на плеча, принесъ въ эту хижину, гдѣ мнѣ сдѣлали всѣ нужныя пособія.

Я немедленно спросилъ у него о Полинѣ, и услышалъ, что когда онъ бросился за мною: то она лежала въ обморокѣ на рукахъ нашихъ убійцъ;

что Жаксонъ опнявъ у одного изъ нихъ кинжалъ, дрался на другомъ концѣ гондолы, которая вскорѣ скрылась. — Друзья мои! теперь я знаю, что человекъ можетъ перенести очень много; ибо ужасная эта вѣсть не лишила меня жизни. Я догадался, что злобный Перкинсъ былъ всему виною, и рѣшился бѣжать немедленно въ Европу; употребить всѣ средства для онысканія сего изверга и принесенія его въ жертву справедливому моему мщенію. Я не хотѣлъ возвратиться домой, чтобъ слухъ о моей смерти утвердился, полагая, что въ такомъ случаѣ я могу удобнѣе оныскать и наказать преступника.

Когда мы сошли съ Нельсонова корабля; по Полина, опасаясь проспуды, сняла съ головы своей бриліанты и обернувъ солопомъ, опдала мнѣ ихъ съ фуфляромъ. Бриліанты сіи, сплюющіе значной суммы, и кошелекъ съ золопомъ, которой я всегда при себѣ имѣлъ, были достапочны для моего путешествія.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ моего выздоровленія, приспалъ къ нашему берегу Англинской корабль за прѣсною водою. Наградивъ рыбака за его госпепрімство, я сѣлъ съ Міоко въ его лодку и побѣжалъ на корабль. Капитанъ его былъ мнѣ знакомъ; ибо я сдѣлалъ ему нѣкоторую услугу въ Гавани. Я рассказалъ ему свое приключеніе и предпріятое

мною намѣреніе: Онѣ говорилѣ, что будетѣ помогатѣ мнѣ со всѣмѣ усердіемѣ. И какѣ скоро подулѣ благопріятный вѣтрѣ, то мы снялись съ якоря.

Плаваніе наше было нѣсколь-ко дней благополучно, какѣ вдругѣ вѣ одно утро напали на насѣ два корсера. Мы оборонялись мужеспвенно, и ког-да сошлись на абордажы; то я бросился вѣ толпу и напалѣ на одного изѣ главныхѣ бездѣльниковѣ. Раздраженный моею опважностію, онѣ схватилѣ саблю свою вѣ обѣ руки и го-товѣ былѣ поразитѣ меня вѣ голову смерпельнымѣ ударомѣ, какѣ храбрый Міоко закрылѣ меня собою, избавя меня, онѣ самѣ лишился жизни, и умерѣ, называя меня своимѣ другомѣ. Тупѣ я упалѣ отѣ слабости:

на окровавленной шрупѣ несчастнаго Міоко.

Когда я пришелъ въ себя; то увидѣлъ, что посаженъ былъ почти нагой въ пюрьюму корабля и скованъ желѣзами. По щастію оставили на мнѣ фуфайку, которую я носилъ подъ рубашкою, и куда я зашилъ еще на берегу свои брилліанты.

Вскорѣ пришли мы въ Тунисъ, и я былъ проданъ вмѣстѣ съ другими поварищами моего бѣдственія. Я достался человѣку весьма кропкаго характера, которой болѣе занимался чпеніемъ и боцаникою. Время мое текло у него очень пріятно, и можеть быть, я могъ бы его почесать тамъ щасливѣйшимъ въ моей жизни, есшьли бѣ не превозжило меня

воспоминаніе о Полинѣ и дѣ-
тяхъ моихъ.

Четыре года прошекли та-
кимъ образомъ, и я не нашелъ
еще случая продать свои бри-
ліанты. Селимъ, господинъ мой,
жилъ въ загородномъ домѣ;
онъ велъ самую уединенную
жизнь и упражнялся единсп-
венно въ садоводствѣ. Я ни-
кому не смѣлъ ввѣрить своей
тайны; опасность лишиться
последняго имѣнія была сему
причиною.

Однажды Селимъ захотѣлъ
узнать мои приключенія, и слу-
шая ихъ, проливалъ слезы. Я при-
нялъ намѣреніе воспользоваться
сею благопріятною мину-
тою, и сказалъ ему: что могу
себя выкупить; но онъ не хо-
тѣлъ ничего взять и обѣщавъ
возвратить мнѣ свободу. Дѣй-

стивительно чрезъ нѣсколько дней онъ сказалъ мнѣ, что одинъ корабль отправлялся въ Англию, и что я могу ѣхать. Напрасно предлагалъ я ему лучшіе бриліанты; онъ не взялъ ничего, кромѣ моего портрета, и въ замѣну подарилъ меня весьма богатыми вещами. Онъ провожалъ меня до гавани, и я расстался съ нимъ съ прискорбіемъ.

При благопріятномъ вѣтрѣ, вскорѣ прибыли мы въ Англию, увѣренъ будучи, что жена моя была во власти Перкинса, я старался отыскать жилище сего злодѣя. По неосновательнымъ слухамъ узналъ я, что онъ живеть въ сѣверной Шотландіи и немедленно туда поѣхалъ, попалъ нечаянно на

эту дорогу и имѣлъ щастіе спасти жизнь сыну своему.

Какъ скоро Милордъ Келли кончилъ повѣсть своихъ бѣдствій; то Сиръ Карлъ снова бросился въ его объятія. Милордъ, желая неперпѣливо знать приключенія сына своего, просилъ его рассказать ихъ. Сиръ Карлъ исполнилъ волю его, и какъ скоро онъ упомянулъ объ несчастной видѣнной имъ въ подземельѣ Перкинсова замка; то отецъ его вскричалъ со слезами: „Ахъ! это Полина, это мать швоя; горестъ перемѣнила ея черты, и потому ты не могъ ее узнать.„ Но продолжай, сынъ мой, расскажи мнѣ всѣ подробности.

Распроганный Сиръ Карлъ спѣшилъ досказать свои при-

ключенія, и соболѣзновалъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, что не могъ въ то же мгновеніе летѣть на помощь къ матери своей и сестрѣ. Какъ, сказалъ Милордъ Келли, ты не знаешь дороги къ замку злобнаго Перкинса? — По несчастію не знаю; мнѣ извѣстно только то, что уже нѣсколько вѣковъ замокъ сей есть жилище преступленія; въ мрачныхъ его подземельяхъ я нашелъ еще осипки бѣдной жерпвы. Я не упомянулъ вамъ о видѣнномъ мною скелетѣ. Вы содрогнетесь отъ ужаса, когда услышите исторію злополучнаго Киспона.

Тутъ Гюпнеръ, сеспра его и отецъ, вскричали отъ удивленія, Киспонтъ! сказалъ старикъ. Ахъ! сей несчастной есть прадѣдъ сына моего. Пожалуй

те расскажите намъ немедленно по, что вы о немъ знаете. — Я могу вамъ сообщить его исторію, писанную его рукою и собственною его кровію, отвѣчалъ Сиръ Карлъ, вынувъ изъ подъ кафтана плачевную рукопись. Попомки Кистона содрогнулись, увидя ее, и не могли преодолѣть горестнаго своего чувства, просили Сиръ Карла читать ее. Онъ на то согласился, и когда дошелъ до того мѣста, гдѣ Кистонъ бросился въ пламень, чтобы избавить Шарлотту: то Гюшнерова сестра ужаснулась и лишилась чувствъ. Но какъ ей сдѣлали нужныя пособія, то она вскорѣ пришла въ себя. И Сиръ Карлъ продолжалъ читать исторію несчастнаго.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Продолженіе исторіи Жамесъ
Кистона.*

Я ушалъ между горящими опломками; но казалось, что любовь не клась обо мнѣ. Я топчасъ вскочилъ и дошелъ безвредно до Шарлошпы. Она была въ безпамятствѣ и окружена пламенемъ; однако я схвативъ ее, обернулъ въ простыни и бросилъ съ нею въ ближнюю комнату. Тамъ считалъ я себя въ опасности, надѣясь найсти выходъ; но по несчастію она была крайняя во флигелѣ; окна ея были на долину и задѣланы желѣзными рѣшетками. Я пришелъ въ бѣшенство, когда увидѣлъ, что такъ жестоко обманулся.

Полагая, что мы оба не избѣжимъ смерти, я посадилъ Шарлотту на софу, и смотря съ горестію на эту прекрасную дѣвицу, утѣшался тѣмъ, что слабость ея не позволяла ей видѣть приближенія ужасной смерти, и что я умру вмѣстѣ съ нею. Огонь дошелъ уже до одного изъ оконъ, и отъ жару начали трескаться стекла, какъ въ то же самое время разсѣлась и рѣшетка. Подбѣжавъ къ окну, я отворилъ его, и увидѣлъ, что въ отверстіе рѣшетки можно было спуститься на низъ: ибо высота его отъ земли была не болѣе полуторы сажени: тогда ожива во мнѣ надежда. Я связалъ просыни, которыми Шарлотта была обернута, и подвязавъ ими ее подъ руки, спустилъ внизъ; по томъ

прикрѣпилъ конецъ къ рѣшеткѣ и спустился за нею.

Свѣжесть воздуха возвратила ей силы; она вскричала отъ радости, когда увидѣла себя внѣ опасности, и не могла постичь, какимъ образомъ я извлекъ ее изъ этой горящей пропасти. Мы предались сладкому восхищенію, и клялись другъ другу вѣчною любовію; однако полагая, что Милордъ Чашамъ былъ въ крайнемъ безпокойствѣ о своей дочери, мы пошли въ замокъ, гдѣ всѣ ворага были ошворены, чтобъ крестьяне могли подать помощь. Какъ скоро мы вошли на дворъ; то при свѣпѣ, происходящемъ отъ пламени, я увидѣлъ, что Милордъ бѣжалъ по горячей лѣстницѣ съ стѣмъ, чтобъ искать Шарлотту; тогда

я взялъ ее на руки и закричалъ: вѣнъ она! — Милордъ услышавъ мой голосъ, остановился наверху лѣстницы, оглянувся назадъ, и какъ скоро увидѣлъ Шарлотту, по сбѣжалъ внизъ съ поспѣшностію. Одними знаками оказывалъ онъ чрезмѣрную свою радость; онъ прижималъ насъ обѣихъ къ сердцу и проливалъ слезы умиленія.

Когда онъ услышалъ, какимъ образомъ спасъ я Мисъ Шарлотту; то самыми не прищворными ласками оказывалъ мнѣ свою благодарность. „Другъ мой, сказалъ онъ мнѣ, будь увѣренъ, что я употреблю всѣ средства наградить тебя за важную твою услугу; я всегда буду помнить то, чѣмъ тебѣ обязанъ. Я скоро отправлюсь въ Лондонъ. Опець твой

останется здѣсь для починки замка; но ты готовься ъхать со мною., Я немедленно исполнилъ сдѣланныя имъ мнѣ приказанія, касательно до нашего путешествія, и мы оправились.

Милордъ Чапамъ посадилъ меня съ собою въ карету. Сидя противъ Шарлотты, я былъ во всю дорогу въ радостномъ упоеніи. Взоры наши безпрестанно встрѣчались, а когда нога моя допругивалась до ея ноги, шо сердце мое трепетало. Въ продолженіе этого путешествія, которое показалось мнѣ очень коротко, Милордъ говорилъ мнѣ о своей благодарности, а нѣжные взоры дочери его выражали мнѣ любовь ея.

Какъ скоро прибыли мы въ Лондонъ: шо Лордъ Чапамъ

сказалъ мнѣ: „кѣ сожалѣнію моему я могу только еще весьма слабо наградить тебя за твою услугу; но ожидая благопріятнаго случая, поручаю тебѣ смотрѣніе надъ здѣшнимъ домомъ., — Я благодарилъ его; однако должность ея ни мало мнѣ не льстила, хотя я могъ по ней чаще видѣться съ Шарлоттою, но все было ничто иное, какъ управительница ея. Должность эта унижала меня въ собственныхъ глазахъ моихъ, и казалась мнѣ непреодолимымъ препятствіемъ къ моему счастью.

Вскорѣ знаменитѣйшіе Лондонскіе лорды начали посѣщать Милорда Чашама, и прелести дочери его обратили вниманіе всѣхъ молодыхъ Лордовъ, которые могли надѣяться получить руку ея.

Я замѣтилъ, что между мно-
жесствомъ сихъ обожавшей
Графъ Норпумберландской
болѣе всѣхъ плѣнился Шарлот-
тою. Сей Лордъ былъ также
богатъ, какъ и любезенъ, и я
не могъ его видѣть безъ нѣ-
которой ревности. Я осмѣлил-
ся сообщить страхъ мой Шар-
лотѣ; но она отвѣчала мнѣ,
что никому кромѣ меня
принадлежать не будетъ, и
это возвратило мнѣ душевное
спокойствіе. Однако она ста-
ла задумчива. Я видалъ ее го-
раздо рѣже, и казалось, что
она меня убѣгала, принимая
со удовольствіемъ посѣщенія
Графа Норпумберландскаго.

Три мѣсяца протекли уже
такимъ образомъ, какъ въ одно
утро Милордъ Чапманъ позвалъ
меня въ свой кабинетъ и ска-

залъ: „Жамесъ, я ѣду въ Виндзоръ, гдѣ дѣла мои задержаніи меня до завтрашняго вечера; есѣли дочь моя вздумаетъ прогуливаться верьхомъ, такъ какъ она имѣетъ это обыкновеніе каждое утро, то побѣжай съ нею. Зная твое усердіе, я увѣренъ, что ты все то сдѣлаешь, что нужно для ея безопасности.

Я былъ очень обрадованъ сею довѣренностію, и опасался только, чтобъ Шарлотта не лишила меня случая переговорить съ нею: но едва опещь ея успѣлъ убѣжать, какъ она велѣла мнѣ гоповинься къ верьховой ѣздѣ. Я немедленно исполнилъ ея повелѣніе, и вскорѣ мы выѣхали на двухъ лучшихъ лошадяхъ Милорда Чашама.

Шарлотта проѣхала Лондонъ съ крайнею поспѣшностію. Тщешно просилъ я ее не ѣхать такъ скоро: она взглянула на меня съ улыбкою и продолжала скакать. Наконецъ, когда мы выѣхали изъ города, то она спросила на какой дорогѣ мы были. — Дорога эша въ Колчестеръ, сказалъ я. — Хорошо, говорила она, давъ шпоры своей лошади, я не ошиблась. — Я спросилъ ее о причинѣ ея поспѣшности, и она отвѣчала: „слѣдуй за мною, ты все узнаешь въ Колчестерѣ.,,

Удивленный отвѣтомъ Шарлотты, я поскакалъ за нею, и въ два часа по полудни пріѣхали мы въ Колчестеръ. Тутъ спросила она; гдѣ дорога въ Гарвичъ, и мы вошли въ прак-

пирь, который на ней находился.

Какъ скоро мы были одни; то я снова желалъ знать, какая была цѣль ея путешествія. Благополучіе моей жизни, оспѣчала она. Знай, любезной Кистонъ, что отецъ мой побжалъ въ Виндзоръ просить королевскаго согласія на бракъ мой съ Графомъ Норшумберландскимъ. Боже мой, вскричалъ я, и пакъ я лишусь васъ навсегда!—Ахъ! любезной Кистонъ, могъ ли ты сомнѣваться въ моемъ сердцѣ, и не ужели не понимаешь моего предпріятія? — Возможно ли! . . . Вы хотите все оставить? . . . Да, мы побдемъ въ Гарвичъ; а тамъ найдемъ пакеш-ботъ, на которомъ отправимся въ Голландію. Нѣтъ! Шарлотта, я не споую того, чтобъ

вы мнѣ пожертвовали любовію
вашего родителя и значно-
стію! — Я знаю твою скром-
ность и предвидѣла твое со-
противленіе; для того-то я и
хотѣла открыться тебѣ пог-
да уже, когда намъ поздно бу-
детъ возвратиться. Я оста-
вила отцу моему письмо, въ
которомъ уведомила его о на-
шей любви, и можетъ быть
теперь оно уже въ его рукахъ:
слѣдственно намъ остается
только скрыться скорѣйшимъ
образомъ. Намъ нечего опасать-
ся бѣдности. Я взяла съ со-
бою значную сумму денегъ,
которую далъ мнѣ отецъ мой,
когда сказалъ, что черезъ не-
дѣлю буду женою Графа; я
присоединила къ тому свои
бриліанты. Съ симъ имѣніемъ
мы можемъ жить безъ нужды,

а любовь общаетъ намъ дни благополучные.

Восхищенный словами Шарлотты, я бросился къ ногамъ ея и извѣялялъ ей мою нѣжную привязанность и благодарность. Я не могъ говорить, но слезы выражали чувства мои.

Черезъ часъ мы сѣли на своихъ лошадей, и отправились въ Гарвичъ. Выходя изъ практира, услышали мы, что одинъ путешественникъ говорилъ своему кучеру, чтобъ погонялъ лошадей; ибо опасался опоздать въ Гарвичъ и не застать тамъ корабля, на которомъ хотѣлъ ѣхать въ Эдимбургъ. — „Поспѣшимъ, сказала мнѣ Шарлотта: если мы заспанемъ тотъ корабль, то отправимся также въ Эдимбургъ, гдѣ мы можемъ удобнѣе обѣднаться

и гдѣ намъ нечего опасаться розысковъ отца моего: ибо я писала къ нему, что ъду во Францію.

Такъ какъ намъ оставалось переѣхать только двѣ мили: то мы не берегли лошадей, и вскорѣ прибыли въ Гарвичъ, тамъ пошли немедленно въ гавань и нашли корабль, которой былъ во всей готовности къ снятію съ якоря. Мы продали своихъ лошадей, условились съ Капитаномъ и вскорѣ отправились.

Плаваніе наше было благополучно, и мы прибыли въ Эдмбургъ въ скоромъ времени. Пробывъ недолго въ городѣ, рѣшили мы ѣхать въ какуюнибудь деревушку на границу; пошому что у Милорда Чаша-

ма въ сѣверной части Шопландіи былъ замокъ. И такъ мы отправились въ Келсо, и доѣхавъ до города, проѣхали его мимо и старались пробраться въ горы.

Мы знали, что могли весьма легко обвинчаться въ Гренша—Гринно. Такъ какъ Шарлотта читала въ журналахъ нѣсколько анекдотовъ, по которымъ извѣстенъ ей былъ свадебный обрядъ, отправляемый, въ семъ мѣспѣ: (*) то не взирая

(*) Не всѣмъ извѣстенъ странной обрядъ, употребляемой при бракосочетаніи молодыхъ людей, которые, не получая согласія своихъ родственниковъ, привѣзаяютъ въ Шопландію. Описавъ его, мы думаемъ доставить удовольствіе нашимъ читателямъ. Гренша—Гринъ есть

на нѣжную ко мнѣ привязанность, не хотѣла туда ѣхать. Мы искали порядочнаго священника, которой бы благословилъ бракъ нашъ, и благопріятный случай исполнилъ наше желаніе.

Мы были въ дорогѣ пѣшкомъ съ самаго утра; и такъ какъ Шарлотта очень устала, то мы сѣли въ тѣни рожицы. Тутъ вскорѣ увидѣли мы человѣка, которой гулялъ, читая книгу. Я спросилъ у него, далеко ли

одно изъ мѣстъ, наиболѣе посѣщаемыхъ любовниками, и кузнецъ служилъ имъ вмѣсто священника; ибо по законамъ сего Государства каждой человѣкъ, которому болѣе шестнадцати лѣтъ, можетъ благословить бракъ; однако онъ не утверждается, еслили новобрачные не со-

еще намъ было до ближней деревни? За этой рощицей, сказалъ онъ мнѣ, есть деревушка, въ которой я паспоромъ. Вы не найдете въ ней практика; но еслили вамъ угодно посѣтить мое тихое жилище, то я постараюсь доставить вамъ все нужное. — Приятная его Физіогномія удостоаврила насъ въ его искренности, и мы приняли его предложеніе.

вершатъ его на мѣстѣ. Священникъ Циклопъ имѣетъ для сего посель, служившую множеству щастливыхъ супруговъ. Когда новобрачные принесутъ жертву венерѣ; то циклопъ вноситъ имена ихъ въ журналъ, который подписывается двумя его товарищами, бывающими обыкновенно при этой церемоніи.

Мы пришли къ небольшому, но прекрасному домику, который былъ окруженъ деревьями; воздухъ въ немъ былъ чистъ и прохладенъ. Въ немъ не было пышности: рѣдкая чистота составляла все его украшеніе. Между шѣмъ, какъ говорили заупракъ, паспоръ показывалъ намъ свой садъ, повторяя, что радъ служить всѣмъ, чѣмъ можетъ. Мы принимаемъ вашу благосклонность съ благодарностію, сказалъ я; но сверхъ того будемъ еще просить у васъ милости., Я васъ понимаю, отвѣчалъ онъ улыбувшись; но мы поговоримъ объ этомъ послѣ заупрака., — Дѣйствительно, когда слово кончилось; но добрый паспоръ благословилъ бракъ нашъ. О! какое удовольствіе чувствово-

валъ я въ эту минуту. Воспоминаніе о ней улаждаетъ еще меня и въ настоящее мое бѣдственное положеніи. Мнѣ кажется, что я слышу, какъ Шарлотта произнесла свое согласіе; я вижу, какъ она, взглянувъ на меня, улыбнулась: нѣжной румянецъ покрывалъ ея щеки. О блаженство! я спалъ Шарлоттинымъ супругомъ, и прижималъ ее къ своему сердцу... Но ахъ! что я говорю? я лишился на вѣки, и живу еще въ ужасной своей могилѣ!

Паспоръ сполькоже былъ любезенъ, какъ и уменъ, и мы провели съ нимъ день очень пріятно. Вечеромъ пришло къ нему на дворъ множество поселянъ всякаго возраста. Это мои друзья, говорилъ онъ, которые пришли принять отъ

хновеніе послѣ трудовъ своихъ; они собираются сюда каждой день и говорятъ со мною о своихъ нуждахъ. Двадцать лѣтъ уже даю я имъ свои совѣты, и кажется, будто они составляютъ одну семью, удоспоивая меня именемъ отца., — Тутъ слезы навернулись на его глазахъ, и онъ пошелъ отвѣчать насъ къ щастливымъ земледѣльцамъ. Каждому изъ нихъ хотѣлось первому поговорить съ нимъ. Чистота сердець ихъ видна была въ простыхъ и связныхъ рѣчахъ, и мы насладились зрѣлищемъ нѣжнаго отца, любимаго дѣтьми своими.

Вскорѣ раздѣлились они на разныя шолпы, изъ кошорыхъ каждая занялась удовольствіемъ, приличнымъ ея возрасту.

На одной сторонѣ молодые люди начали панцовать; а на другой собрались около стола шарики и сѣли за свой простой и здоровый ужинѣ, копорой принесли съ собою. Удовольствіе было написано на всѣхъ лицахъ, и веселыя пѣсни ихъ мѣшались со звукомъ сельской музыки.

Восхищенный симъ прелестнымъ зрѣлищемъ, я предложилъ Шарлоттѣ поселиться въ этой деревушкѣ, гдѣ казалось обитало щастіе. Она одобрила мысль мою, и я спросилъ у добраго паспора, можно ли намъ будетъ выполнить это намѣреніе? Очень легко, сказалъ онъ: вы можете купить небольшую мызу, копорую одинъ изъ моихъ знакомцевъ желаетъ продать; онъ получилъ богатое

наслѣдство, и долженъ жить въ городѣ. Я дамъ ему знать, что мы будемъ къ нему завтра по утрамъ.

Отвѣтъ паспортовъ чрезмѣрно меня обрадовалъ, и я ожидалъ съ нетерпѣніемъ утра. Ласкаясь надеждою проводить съ Шарлоттою мирные дни въ щастливой эной деревнѣ, я говорилъ съ нею о будущемъ нашемъ благополучіи, и занявшись сею сладкою мечтою, не видалъ, какъ поселяне разошлись. Вскорѣ доброй нашъ паспортъ къ намъ подошелъ и отвелъ насъ въ небольшую комнату, которую для насъ изготовилъ. Давъ намъ свое благословеніе, онъ вышелъ, и мы заснули въ объятіяхъ любви.

При солнечномъ восхожденіи мы были пробуждены пѣніемъ

птицъ , и желая исполнитъ скорбе свое намбреніе, немедленно вспали. Мы нашли пастора въ саду, кошорой набиралъ уже лучшіе плоды для нашего завтрака; и какъ скоро мы побли сію пріятную и здоровую пищу, то пошли на мызу, о кошорой онъ говорилъ намъ наканунѣ. Хозяинъ насъ дожидался и принялъ очень ласково; онъ показывалъ намъ свои заведенія; и мы нашли, что въ нихъ было соединено полезное съ пріятнымъ. Вскорѣ заключили мы торгъ , и пробывъ еще чепыре дня у добраго пастора, поселились въ новомъ своемъ жилищѣ.

Осмотрѣвъ его со всемъ вниманіемъ, мы учредили планъ для трудовъ нашихъ и препровожденія времени. Шарлотта

взяла на себя хозяйство ; а я принялъ свои прѣдѣлы надъ полями. Паспортъ давалъ намъ нужные совѣты, и совершенный успѣхъ отвѣчалъ нашему спаранію. Мы купили землю въ концѣ зимы ; а черезъ два мѣсяца она покрылась зеленью, которая плѣняла зрѣніе своимъ разнообразіемъ.

Вскорѣ познакомились мы со всѣми жителями деревушки и нашли, что сердца ихъ были такъ чисты, какъ нравственность священника. Достоинный сей и рѣдкой добродѣтели человекъ истощалъ всѣ свои силы для доставленія благополучія симъ поселянамъ ; не ослѣплялъ ихъ пустыми предразсудками ; онъ внушалъ имъ твердую любовь къ добродѣтели.

Радуюсь тому, что имѣлъ такихъ почтенныхъ товарищей, я употреблялъ всѣ средства, чтобъ заслужить любовь ихъ. Подобно паспору, я собиралъ ихъ у себя; въ дни отдохновенія давалъ имъ не большіе праздники, и вмѣстѣ съ моею супругою раздѣлялъ ихъ удовольствіе.

Мы проводили блаженные дни въ мирномъ нашемъ уединеніи. Шарлотта, любезнѣйшая изъ женщинъ, была прекрасна въ простой деревенской одеждѣ. Забывъ, что нѣсколько времени назадъ наслаждалась всѣми дарами форшуну, она рачительно занималась хозяйствомъ, и дѣятельностію своею завела рѣдкой порядокъ въ домѣ. Кротость ея и пріятность въ обращеніи привлекали къ ней

каждаго ; матери ставили ее въ примѣръ дѣтямъ , а молодья супруги видѣли въ ней свой образецъ. О ! какъ я ею былъ щасливъ ! съ какою посибшностию возвращался я домой , когда долженъ былъ по надобности оплучаться ! Въ какомъ радостномъ упоеніи были чувства мои , когда при возвращеніи моемъ она бросалась въ мои объятія ! Наконецъ всѣ желанія мои исполнились : Шарлотта почувствовала , что будетъ скоро матерью . Казалось , что священное это имя утверждало еще болѣе союзъ нашъ ; оно произвело въ насъ восхищеніе , которое видно было во всѣхъ нашихъ поступкахъ . Любезнѣйшая моя супруга , нося залогъ любви нашей , предалась слад-

кимъ своимъ чувствамъ. Я также не могъ скрывать своей радости. Мы безпрестанно мечтали о томъ времени, когда Шарлотта родитъ любезнѣйшее для насъ существо. Я представлялъ себѣ новыя прелести своей супруги, когда она будетъ матерью. Намъ казалось, что мы уже видѣли, какъ любезный младенецъ росъ на ея рукахъ, и слышали, какъ онъ произносилъ первыя слова благодарности за нѣжное наше попечение.

Около пяти мѣсяцовъ пропекли такимъ образомъ, и любовь наша умножалась ежедневно: мы съ нетерпѣніемъ ожидали минуты, которая должна была довершить наше благополучіе, и видя приближеніе сего щасливаго времени, вку-

шали заранѣе не изъяснимое удовольствіе. Но ахъ! мы не предвидѣли, что люшый рокъ лишилъ насъ ужаснѣйшимъ образомъ сего наслажденія.

Въ концѣ Августа я занимался жатвою, наградившею щедрою рукою прехъ мѣсячные труды наши. Я провожалъ первой возъ хлѣба, которой везли въ гумно, какъ вдругъ горизонтъ покрылся мракомъ; раздающійся вдали громъ предвѣщалъ спрашную грозу. Желая убрать снопы, лежащіе на полѣ, я спѣшилъ назадъ, чтобъ сдѣлать нужныя къ тому приказанія, оставя Шарлотту, смолряющую на скопляющіяся облака.

Вскорѣ пришелъ я къ своимъ жнецамъ, но чрезмѣрная тем-

нопа препятствовала имъ исполнишь мои повелѣнiя; при блескѣ молнiи увидѣлъ я сарай, въ которой мы укрылись и пробыли въ немъ около трехъ часовъ, пока продолжалась эта ужасная буря. Я видѣлъ нѣсколько разъ, съ какимъ сильнымъ спремленiемъ громовые удары упали на землю. Шагахъ въ десяти отъ меня громъ ударилъ въ кучу сноповъ, и обратилъ ихъ въ пепель. Сильной дождь послѣдовалъ за грозой, и дневной свѣтъ показалъ намъ сдѣланное ею поврежденiе. Однако я съ удовольствiемъ видѣлъ, что оно было не такъ велико, какъ я думалъ, и спѣшилъ успокоить Шарлотту, зная, что долгое мое отсутствiе было ей очень не прiятно. Боже мой! я не

предвидѣль, какъ ужасна была для меня сія гроза.

Я былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашего жилища, какъ увидѣль кучера, вышедшаго съ поспѣшностію. Незнакомое лице сего челоуѣка побудило меня: удвоить шаги свои.

Вошедъ въ переднюю, увидѣль я служанку въ крайнемъ смущеніи. Устрашенный ея слезами; я спрашивалъ о Шарлоттѣ; кто былъ вышедшій челоуѣкъ и не случилось ли какого несчастія? — „Да, сударь, сказала она: — что жена моя? Нѣтъ, успокойтесь, съ барынею ничего не сдѣлалось! — Что же ты говоришь о несчастіи? —“

Сюда принесли какого-то господина; а кучеръ, котораго

вы видѣли, пошелъ исправлять карешу; онъ не могъ удержатъ лошадей, испуганныхъ громомъ; онъ опрокинули карешу и крестьяне принесли къ вамъ незнакомца! — Не знаешьли, кто онъ такой? — Нѣтъ; но только, когда барыня его увидѣла, то упала въ обморокъ; однако теперь она здорова., — Какъ, Шарлотта!... Кучеръ сказалъ мнѣ, что они бѣжали изъ Норшумберландскаго замка. — Что я слышу! не уже ли это Герцогъ, мой соперникъ? О предъещи, вѣроломный!

Побуждаемъ будучи гнѣвомъ и ревностію, я спросилъ, въ которой комнатѣ находился незнакомецъ; и схвативъ шпагу, побѣжалъ туда, рѣшась твердо поразить Герцога Норшумберландскаго. Вбѣжавъ съ

обнаженною шпагою въ комна-
ту, я вскричалъ съ бѣшен-
ствомъ:,, защити жизнь
свою!,,—Но Боже мой, что я
увидѣлъ! это былъ Милордъ
Чашамъ.

Бездѣльникъ, сказалъ онъ
мнѣ, не довольствуясь тѣмъ,
что ты похищилъ дочь мою,
ты хочешь еще лишитъ меня
жизни; приближься и доверши
твои злодѣянiя. Пораженъ бу-
дучи удивленiемъ, я не могъ
выговоритъ ни слова: шпага
выпала изъ рукъ моихъ. Ми-
лордъ, пользуясь моимъ смяте-
нiемъ, дѣлалъ мнѣ жестокiе
упреки; но будучи огорченъ
тѣмъ, что онъ приписывалъ
мнѣ намѣренiе умертвить его,
я пришелъ нѣсколько въ себя,
и оправдался онъ сего ужа-
снаго подозрѣнiя, сказавъ ему,

что я ожидалъ найпи вмѣсто его Герцога Нортумберландскаго. Тогда, казалось, что онъ успокоился; но не хотѣлъ болѣе ничего отъ меня слышать, какъ вошла жена моя.

Мы бросились передъ нимъ на колѣни и просили пощадить двухъ супруговъ, которые не переставали любить его и почитать, какъ своего родителя. Шарлотта сказала ему, что вмѣсто того, чтобы ее подговаривать, я со всѣмъ не зналъ ея намѣренія даже до тѣхъ поръ, пока мы пріѣхали въ Колчестеръ, и что она сама рѣшилась избавишься отъ несчастія бывъ женою того, кто не обладалъ ея сердцемъ.

Казалось, что это объясненіе, которое меня совершенно оправдывало, уменьшило гнѣвъ

Милорда Чапама ; но онъ никакъ не прощалъ того, что я смѣлъ вслупить съ нимъ въ родство: гордость его оскорблялась тѣмъ, что я былъ супругомъ его дочери, и щеславіе заглушало въ немъ голосъ природы.

Однако онъ казался пронутымъ нашею преданностію. Я воспользовался сею минушкою и обратилъ его вниманіе на невинное швореніе, которое Шарлотта носила подъ сердцемъ своимъ. Наконецъ онъ дѣйствительно сжалился надъ моею униженною просьбою и слезами своей дочери; онъ поднялъ ее и обнялъ съ нѣжносію; попомъ обернувшись ко мнѣ, сказалъ: „Жамесъ, конечно ты очень виноватъ; но нѣжность родительскаго сердца

преодолѣла справедливый гнѣвъ, и я гошѣвъ просипть васѣ сѣ нѣкоторымѣ условіемѣ.— „Ахѣ, Милордѣ, вскричалѣ я, чего вы требуете?— „Чшобѣ вы теперь же ѣхали жипть въ мой замокъ.,,

Это привело меня въ крайнее замѣшательство. Я былѣ щасливѣ въ мирномѣ своемѣ уединеніи и опасался его оставить. Шарлотта просила Милорда вмѣстѣ со мною, чшобѣ позволилѣ намѣ остаться; но онѣ никакѣ не соглашался; онѣ только обѣщалѣ отпустить насѣ ежегодно на нѣкоторое время въ небольшое наше владѣніе.

Мы согласились сѣ прискорбіемѣ исполнить его желаніе, и рѣшились сдѣлать сію жертву, чшобѣ заслужить любовь

его. Когда онъ увидѣлъ, что мы гоповы были съ нимъ бхашъ, то сдѣлался очень ласковъ; онъ сказалъ намъ, что побѣхалъ по упру отъ Герцога Норшумберландскаго, гдѣ пробылъ нѣсколько дней и бхалъ въ свой замокъ, который былъ уже ондѣланъ; что въ грозу сбился съ дороги, и когда кареша его упала, то поселяне принесли его къ намъ, выхваляя ему челоуѣколюбіе, добродѣшель и любезность хозяевъ.

Лордъ Чашамъ былъ только нѣсколько оглушенъ своимъ паденіемъ, и такъ какъ онъ уже совсѣмъ оправился, то хотѣлъ осмопрѣтъ наше жилище. Онъ очень хвалилъ порядокъ, которой вездѣ нашелъ, и удивлялся, что въ такое короткое время

мы могли все такъ хорошо устроить. Не взирая на вниманіе, съ которымъ, казалось, онъ все разсматривалъ, я примѣтилъ, что онъ былъ очень пасмуренъ, часто погружался въ глубокую задумчивость и когда изъ нее выходилъ, то понуждалъ насъ скорѣе изгоясь къ путешесію.

Все было готово на другой день; мы просили добраго пастора смотрѣть за нашею землею во время нашего отсутствія. Сей любезной человекъ былъ очень огорченъ скорымъ нашимъ отъѣздомъ; онъ обнялъ насъ съ нѣжностію и мы не могли удержатъ слезъ при прощаніи съ нимъ.

Когда мы сѣли въ карету, то Милордъ былъ очень веселъ;

я видѣлъ въ его взорахъ нѣжность, но она была смѣшана съ чрезмѣрною свирѣпостью; онъ иногда улыбался; но улыбка эта происходила отъ презрѣнія и насмѣшки. Часто погружался я въ самыя мрачныя мысли; но тупѣ Милордъ осыпалъ меня ласками, называлъ своимъ сыномъ, благодарилъ судьбу, что отыскалъ дѣшей своихъ, и я предавался сладкому увѣренію, что обезоружилъ гнѣвъ сего раздраженнаго родителя.

Чувствительная Шарлотта, восхищенная пѣмъ, что возвратила любовь его, не подозрѣвала бѣдствія, въ которое погружалъ насъ сей извергъ, и несчастная цѣловала съ благодарностію руку, готовую погубить меня.

Черезъ нѣсколько дней приѣхали мы въ замокъ Милорда Чапама, и едва успѣли въ него войти, какъ Шарлоттинъ отецъ оставилъ насъ однихъ въ своемъ кабинетѣ, говоря, что скоро возвратится. Описаніе его было довольно продолжительно, но какъ онъ пришелъ, то веселый его видъ очень меня обрадовалъ; онъ обнялъ нѣсколько разъ дочь свою. Я просилъ у него позволенія повидаться съ отцемъ моимъ; но онъ сказалъ мнѣ, что его не было въ замкѣ, ибо онъ былъ отправленъ по важному дѣлу въ Лондонъ.

Вскорѣ потомъ Милордъ позвонилъ въ колокольчикъ, и не дожидаясь служителей, повелъ насъ самъ въ небольшую, отдаленную залу, гдѣ мы нашли

накрытой столъ ., Не удивляйся, сказалъ онъ Шарлоттѣ , о предосторожностяхъ моихъ, скрывать тебя отъ здѣшнихъ людей ; беременность твоя могла бы послужить предметомъ ихъ злословію ; но когда я публично объявлю твое замужство , тогда можешь ты показаться безвѣопасности.

Не взирая на то , что Милордъ старался казаться веселымъ, въ продолженіе ужина онъ былъ очень безпокоенъ ; часто взоры его устремлялись на меня и я видѣлъ въ нихъ мрачную злобу ; но каждой разъ, когда онъ замѣчалъ, что я на него глядѣлъ, то дѣлалъ пріятной видъ, ласкалъ Шарлотту и говорилъ мнѣ нѣкоторыя привѣтствія. Онъ никогда не ужи-

налъ и былъ только зрителемъ нашего стола; онъ хотѣлъ, чтобъ мы выпили за его здорье. Какъ мы охотно на это согласились, то онъ самъ налилъ намъ прекраснаго вина.

Какъ скоро мы выпили, то онъ сказалъ намъ, чтобъ шли мы за нимъ въ комнату, которую для насъ приготовилъ; она была очень хорошо отдѣлана и украшена портретами *Ланцелота дю Лакъ и прекрасной Женевры*.

Эта та же самая комната, въ которой я сидѣлъ, сказалъ Сиръ Карлъ, и продолжалъ свое чтеніе.

Когда Милордъ хотѣлъ удалиться, то Шарлотта бросилась въ его объятія, и онъ по-

и́бловавѣ еѣ съ нѣжностію, вышелъ, желая намѣ доброй ночи.

Восхищенные ласками, оказанными имѣ при прощаніи, мы благословляли нечаянный случай, коимъ его къ намѣ завелъ, и увѣрены будучи, что родительская нѣжность заступила мѣсто гнѣва въ его раздраженномъ сердцѣ, мы спокойно уснули, мечтая о будущихъ благополучныхъ дняхъ, которыми надѣялись наслаждаться.

Проснувшись я хотѣлъ обнять Шарлотту; но Боже мой! вмѣсто супруги обнялъ я чрезмѣрной величины цѣль! Пораженный ужасомъ, я хотѣлъ вспасть; но почувствовалъ, что былъ прикованъ, и звукъ цѣпей моихъ раздавался въ подземельѣ. Опчayanіе мною овладѣ-

ло; я рвался съ бѣшенствомъ и наконецъ испощивъ ищещно силы, упалъ въ крайнемъ изнеможеніи, проклиная бѣдственную судьбу свою.

Въ заблужденномъ разсудкѣ своемъ искалъ я виновника моего несчастія. Долго не могъ я утвердиться въ своемъ подозрѣніи; но наконецъ всѣ сомнѣнія мои разрѣшились.

Десять часовъ уже оплакивалъ я свое ужасное положеніе и участь Шарлотты; я звалъ ее жалобнымъ голосомъ, и плачевное эхо повсюду имя ее въ подземельѣ, какъ вдругъ услышалъ я, что вдали отворилась дверь; я содрогнулся отъ страха и надежды. Взглянувъ шуда, гдѣ былъ слы-

шанъ стукъ, я увидѣлъ слабой свѣтъ и съ помощію егѣ разглядѣлъ передъ собою рѣшешку, кошорая въ самое то время была отворена Милордомъ Чапамомъ.

Боже мой! вскричалъ я, кого я въ васъ вижу, избавителя моего или тирана? — Твоего судію? — сказалъ онъ. — Какъ! вы не постыдились употребить столь ужасную измѣну? — „Все позволено, чтобъ наказать бездѣльника. Но Шарлоппа? Она думаетъ, что, опасаясь моего гнѣва, ты имѣлъ гнусную слабость скрыться и ее оставишь; и вмѣсто того, чтобъ тебя оплакивать, знай, для умноженія своего мученія, что она тебя презираетъ и одно имя твое ее ужасаетъ,!“ —

Какъ, супруга моя! Твоя супруга? Несчастный! ты произнесъ свои приговоръ: ты умрешь въ желѣзахъ, и вошь твоя могила.

Пораженный плачевною мыслию, что Шарлотта могла меня подозрѣвать, я не примѣтилъ, что Милордъ Чатамъ вышелъ изъ моей тюрьмы. Звукъ желѣзныхъ запворовъ извлекъ меня изъ горестнаго моего забвенія и при сѣтѣ лампы, которую онъ привѣсилъ къ гвоздю, вбипомѣ въ спѣну, я увидѣлъ, что сей варваръ оставилъ мнѣ нѣсколько сѣбственныхыхъ припасовъ, для продолженія моихъ страданій.

Потерявъ всю надежду выпши изъ моего ужаснаго заключенія, я рѣшился лишить себя

жизни; долго не могъ я найши къ шому средспва и всѣ уси-лія мои были бесполезны. Наконецъ я увидѣлъ въ стѣнѣ гвоздь и вздумалъ имъ заколопьяся. Приближась къ нему, я выбилъ его своею цѣпью, и попочивъ на камнѣ, вошкнулъ въ грудь; но онъ былъ слиш-комъ коропокъ, члюбъ причи-нилъ мнѣ смерпельную рану, и сдѣлалъ одно бесполезное страданіе; я вырвалъ его вонъ и изъ раны вышло шолько нѣ-сколькo капель крови.

Неудачное мое предпріятіе представило мнѣ судьбу мою еще ужаснѣе; однако какое-то внутреннее чувство, котораго не могу описать, привязывало меня къ жизни. Я содрогнул-ся, когда вспоминалъ, что хо-

тѣлѣ себя умертвить. Тайный голосъ упрекалъ меня въ этомъ преступленіи, и я стыдился, что предпринималъ его. Тогда рѣшась переносить несчастіе, не обезчестивъ своей памяти, я хотѣлъ усладить горестъ мою, начерпивъ свой вензель и Шарлоттинъ на камнѣ. Я взялъ гвоздь и удачно начертилъ литеру, копорая означалась моею кровію. Тутъ вошло мнѣ въ голову написать исторію щастливыхъ дней моихъ, дабы чѣмъ нибудь занять себя. Я развернулъ сукно, въ копорое меня обернули, когда опускали соннаго въ подземельѣ, прокололъ гвоздемъ руку и началъ писать своею кровію. Уже прошло два мѣсяца, съ тѣхъ поръ, какъ я это продолжаю. Тирани мой приноситъ мнѣ еже-

дневно пищу, и какъ скоро я услышу, что онъ идетъ, то прячу сукно подъ соломѣ, копорая служивъ мнѣ поспешеею.

Я не знаю, что воспослѣдовало съ моею любезною Шарлоттою; тщетно спрашиваю объ ней у отца ея: онъ не отвѣчаетъ на мои вопросы.

Вчера Милордъ Чапамъ ударился головою въ рѣшетку шюръмы моей, нагнувшись задвигающъ задвижки; ударъ былъ такъ силенъ, что онъ упалъ. Черезъ нѣсколько времени онъ вспалъ и пошелъ, поддерживая голову рукою,

О ужасное мученіе! два дни уже Милордъ Чапамъ не приносилъ мнѣ пищи: силы мои истощились и я близокъ къ

изнеможенію Лампада моя угасаетъ, а я Шарлотта, супруга моя! гдѣ драгоценный плодъ любви нашей? .. Боже всемогущій! пощади.

Нѣсколько несвязныхъ словъ, вѣроятно написанныхъ въ то время, когда лампада погасла, заключали рукопись Жамесъ Киспона, и чувствительные родственники его пролили горестныя слезы, представляя себѣ, что несчастной ихъ пра-родитель умеръ мучительною смертію отъ голода.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИЖКИ.
